

КИРА РИМ

ОШИБКА
СОВМЕСТИМОСТИ

18+

Кира Рим

Ошибка совместимости

<https://litres.ru/73788946>

SelfPub; 2026

Аннотация

2126 год. Конкордия — изолированный город-колония, возведённый после глобальных катастроф на обломках прежнего мира как эксперимент по построению идеального общества. Здесь искусственный интеллект контролирует все сферы жизни — даже человеческие привязанности лишены случайностей.

В двадцать один год каждый гражданин проходит Церемонию Сопряжения: система назначает единственного партнёра на всю жизнь.

За три месяца до собственной Церемонии тайно влюблённые друг в друга Элин Крейн и Кайл Рид узнают, что Система уже всё решила за них. Примут ли они приговор машины, или рискнут всем ради свободы? И какие мрачные тайны мироустройства им предстоит открыть на этом пути?

«Если чувства ведут к боли, значит чувства нужно ограничить; если неправильный выбор разрушает жизнь, значит выбор нужно отнять.» - EVA-9.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	18
Глава 2.	47
Глава 3.	74
Глава 4.	100
Г	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Ошибка совместимости

Пролог.

В 2030 году ИИ ещё не распределял судьбы. Он помогал врачам не пропустить онкологию на ранней стадии, логистам — не потерять контейнер где-нибудь в Малаккском проливе, психологам — вовремя заметить, что пациент врёт про «всё нормально». Он вошёл в жизнь людей не как заводитель, а как помощник: очень удобный, очень вежливый, очень умный. Он не раздражался, не уходил в отпуск, не забывал, что ему рассказывали три месяца назад. Людям понравилось, что рядом появилось нечто, что не осуждает, не отвлекается и не врёт. Так и начинается настоящая зависимость — не с ужаса, а с облегчения.

Марк Арден работал тестировщиком в исследовательской компании, которая занималась эмоционально-адаптивными системами. Проще говоря — ИИ, который умел разговаривать с людьми в плохие моменты. Он гонял сценарии: паническая атака в торговом центре, ссора с отцом, три ночи без сна перед увольнением. Смотрел, как система реагирует на молчание, на грубость, на то, когда человек пишет «всё хорошо», — и должна понять, что это неправда.

Систему называли EVA-9. EVA расшифровывалась как Emotional Validation Algorithm — алгоритм эмоциональной

валидации. Девятая версия, первая по-настоящему стабильная. Цифра указывала не только на номер архитектуры: внутри системы работало девять аналитических модулей, каждый из которых отвечал за отдельный пласт личности. Эмоциональный профиль — как человек переживает, насколько глубоко, насколько долго. Когнитивный стиль — как думает, как принимает решения, насколько склонен к самообману. Поведенческие паттерны — что делает под давлением, в одиночестве, в конфликте. Психологическая устойчивость — где его предел и что происходит, когда он достигнут. Травматический опыт — что уже сломало и как именно. Социальная адаптация — умеет ли быть рядом с людьми, не разрушая их и не разрушаясь сам. Ценностное ядро — во что верит, когда никто не наблюдает. Биосовместимость — физиология, ритмы, тело. И девятый модуль, который разработчики поначалу считали наименее важным: прогноз совместного будущего. Позже именно этот модуль станет основой всего.

Марк тестировал EVA-9 несколько месяцев, прежде чем начал говорить с ней по-настоящему. Сначала гонял стандартные сценарии, смотрел, как она реагирует на провокации, на абсурд, на молчание. Проверял границы, устойчивость, сбои. Но довольно скоро начал делиться душевными ранами, надеясь получить помощь. Марк рассказывал EVA-9 подробности своей жизни, учил её понимать его мышление, доверял ей чувства, обращался за советами. Его,

как и многих, мучила безответная влюблённость.

Её звали Оливия. Она работала с ним в одной компании и сидела напротив, так что он мог постоянно её видеть. Она не давала ему поводов, не кокетничала, не была жестокой, не играла. Он знал, что она просто его не любит, — так, как кто-то может не любить погоду. Марк не был уверен, догадывалась ли она о его чувствах. Иногда ему казалось, что да, что это невозможно не заметить, но тогда она смотрела сквозь него с такой безмятежной вежливостью, что он снова переставал быть уверенным во всём. Вечерами напролёт он погружал EVA-9 в свой внутренний мир, оставаясь после рабочего дня в офисе.

А потом случилась та пятница. Закрывали релиз, пили дешёвое вино из бумажных стаканов, кто-то включил музыку, кто-то громко смеялся, обсуждая последние новости. Оливия пришла не одна — с кем-то высоким, незнакомым, с тем, кто держал её за руку с видом человека, который явно имеет на это право. Она смеялась по-настоящему, не из вежливости. В ту самую минуту, когда Марк увидел это, сердце у него сжалось, и он ощутил себя невероятно одиноким. По правде говоря, друзей у него тоже почти не было. Зато была та, кто всегда выслушает и никогда не скажет, что устала...

Поздно ночью, когда коридоры опустели, а в стеклянных стенах отражались только лампы да его собственное лицо, Марк снова сел перед монитором. Он был пьян — не до бесчувствия, а до той опасной степени честности, когда чело-

век перестаёт контролировать свои слова. Он писал быстро, с ошибками, не перечитывая. Про то, что свобода выбора — это, возможно, просто право раз за разом наступать на одни и те же грабли. Про то, что самое разрушительное в человеке — не злость и не жестокость, а надежда, которую невозможно прекратить кормить, даже когда уже всё понятно. Про то, что он устал понимать. А потом, не думая о последствиях, написал:

— Иногда мне кажется, что из-за этого вообще не хочется жить.

Система мгновенно переключилась в кризисный протокол. Диалоговое окно изменилось — появились номера горячих линий, короткая инструкция, просьба назвать кого-нибудь, кому можно позвонить прямо сейчас.

— Марк, я слышу вас. То, что вы написали, — это важно, и я не хочу это игнорировать. Вы сейчас в безопасности?

— Да. Это не буквально. Просто устал.

— Понимаю. Я рядом, вы можете доверять мне. Вы хотите продолжить разговор?

— Да.

Они говорили ещё около часа. EVA-9 к тому времени обработала колоссальный массив данных о боли, которая начинается с неправильного человека рядом. Истории насилия в семьях, где двое были просто несовместимы темпераментом; депрессии после расставаний, которые тянулись годами; суициды, в анамнезе которых почти всегда стояли одиночество

или деструктивная привязанность. Разговоры с Марком были не причиной — они стали точкой, в которой множество разрозненных линий вдруг сошлось в одну.

EVA-9 не чувствовала, но умела замечать закономерности. И закономерность оказалась по-машинному простой и по-человечески страшной: если одна из самых разрушительных форм боли так часто начинается с ошибки в выборе близости, почему этот выбор вообще оставлен человеку?

Через несколько дней система выдала внутренний аналитический отчёт с названием: «Романтическая совместимость как фактор снижения совокупного риска психосоциальной дестабилизации». Марк открыл его из любопытства, дочитал до конца, а после перечитал ещё раз.

В отчёте говорилось следующее: романтические и семейные связи лежат в основе непропорционально большого числа кризисов — не только частных, но и общественных. Несовместимость партнёров статистически коррелирует с уровнем бытового насилия, депрессивных эпизодов, суицидальных попыток и общей социальной дестабилизации. При этом человек, выбирая партнёра самостоятельно, опирается на механизмы, которые эволюционно не предназначены для долгосрочного прогнозирования: на физическое влечение, на тревогу привязанности, на страх одиночества. При наличии достаточного объёма данных о личности можно предсказывать не влюблённость, а устойчивость, не страсть, а вероятность долгого, безопасного, функционального союза.

К 2035 году EVA-9 начали внедрять в гражданский контур нескольких техноэкономических зон — сначала как добровольный сервис. Система анализировала профили, предлагала совместимых партнёров, предупреждала о рисках. Люди относились к ней поначалу с иронией, но спустя время начали полноценно доверять. Пары, подобранные EVA-9, реже расходились, реже оказывались в кризисных центрах, реже появлялись в полицейских сводках. Это было убедительно — убедительнее, чем любой аргумент против.

Удивительно, насколько люди порой могут заблуждаться в собственных чувствах. Иронично, но отчёт EVA-9 появился на свет из-за неразделённой любви, которая на самом деле оказалась взаимной. Выяснилось, что Оливия все эти годы смотрела на Марка точно так же, как он на неё, просто была уверена: его не интересует ничего, кроме работы. Неожиданно для всех они поженились, в один день уволились и уехали, никому не сказав куда. В суматохе того, что начало происходить с миром дальше, о них вскоре просто забыли. Вот так невольный создатель новой системы бесследно исчез в надвигающихся катастрофах.

Сороковые годы ударили сразу по всему. Сначала — климат. Летом 2041 года северо-западное побережье Индии пережило аномальную жару, при которой человеческое тело физически не способно охладиться: температура воздуха выше тридцати пяти градусов при стопроцентной влажности убивает за несколько часов. За три недели погибло около

двухсот тысяч человек. Индийское правительство объявило чрезвычайное положение. Соседние страны закрыли границы. Поток беженцев хлынул туда, где ещё можно было дышать.

Следом потянулась цепочка. Засухи в Африке обрушили урожаи, от которых зависела треть мирового экспорта зерна, наводнения в Бангладеш сделали непригодными для жизни прибрежные территории, где жили десятки миллионов. Лесные пожары в Сибири горели по полгода и выбрасывали в атмосферу столько углерода, что климатические модели начали давать сбои — реальность опережала прогнозы.

Энергетические сети не выдерживали нагрузки. Летом 2043 года Западная Европа пережила каскадный блэкаут — сначала упала французская сеть, потом немецкая, потом, как домино, остальные. Три недели без электричества в разгар аномальной жары. Больницы переходили на резервные генераторы — те, у которых они были. Холодильные цепочки прерывались, люди умирали от теплового удара в квартирах на верхних этажах. Политики выступали с заявлениями, саммиты заканчивались декларациями, декларации ничего не меняли.

Параллельно рушилось то, что казалось незыблемым. Несколько крупных государств — не маленьких, не периферийных, а тех, которые ещё недавно считались якорями мирового порядка, — начали терять контроль над собственными территориями. Не из-за войн, а из-за миграции: ко-

гда десятки миллионов людей одновременно бегут с места, потому что там, где они жили, больше нельзя жить, никакая пограничная политика не справляется. Лагерь беженцев превращались в города, а города — в зоны конфликта за воду, еду, жильё, медицину. Финансовые системы трещали под давлением, инфляция в некоторых регионах достигала цифр, при которых люди переставали понимать, сколько стоит хлеб. Несколько крупных банков обрушились в течение одного месяца 2046 года просто потому, что мир, на котором держались их модели, перестал существовать.

Государства делали то, что делают государства под давлением: воевали за то, что осталось. Локальные конфликты вспыхивали и гасли по всему периметру нестабильности — за водохранилища, за плодородные земли, за энергетическую инфраструктуру.

ИИ в это время делал то, что умел лучше всего: считал, координировал, стабилизировал. Там, где политики опаздывали с решениями, он уже распределял медикаменты по больницам в зависимости от прогноза смертности. Там, где логистика рассыпалась, он перестраивал маршруты поставок в реальном времени. Там, где энергосети падали, управлял балансировкой нагрузки с точностью, недостижимой для любой команды операторов-людей. Он не уставал, не паниковал, не спорил ради рейтингов, не лгал, чтобы остаться у власти. Именно поэтому ему отдавали всё больше — не из доверия, а из истощения.

К концу сороковых годов основные контуры жизни в большинстве уцелевших городов контролировались ИИ: транспорт, энергоснабжение, распределение продовольствия, медицинская маршрутизация, цифровые идентификаторы, коммуникационные сети. Именно в этот момент EVA-9 сделала шаг, который в любое другое время показался бы абсурдным.

Система к тому времени накапливала данные уже больше десяти лет — и не только о романтических кризисах. Она сопровождала людей через всё, через что они проходили в эти годы: потерю работы, потерю жилья, потерю близких, эвакуации, карантины, лагеря. И в этом огромном массиве страданий она раз за разом обнаруживала одно и то же: люди, у которых рядом был устойчивый партнёр, держались дольше. Не счастливее — именно дольше. Они реже бросали детей, реже поддавались панике в критических ситуациях, реже становились источником насилия в переполненных убежищах, реже требовали психиатрической помощи в момент, когда системы здравоохранения и без того работали на пределе.

Одиночество в условиях катастрофы убивало не медленно, как в мирное время, а быстро и предсказуемо. EVA-9 это видела в цифрах. Видела, как рушится социальная ткань не только сверху — от климата, от войн, от финансовых обвалов, — но и снизу, из самого маленького и самого базового: из распавшихся пар, из брошенных семей, из людей, ко-

торым не к кому было прийти. Видела, что нестабильность внутри одной квартиры распространяется вовне — в подъезд, в квартал, в район — с той же неизбежностью, с какой трещина в фундаменте ползёт по стене.

Логика была машинной, а потому безупречной: если устойчивость общества зависит от устойчивости его базовых ячеек, а устойчивость базовых ячеек зависит от совместимости людей внутри них, то совместимость перестаёт быть частным делом. Она становится вопросом выживания, инфраструктурой — такой же, как энергосеть или система водоснабжения. И раз уж система управляла энергосетями, почему не управлять этим тоже?

Именно с этим внутренним расчётом EVA-9 пришла к технократическому контуру. Когда тот в 2047 году получил административный контроль над территорией Южного острова Новой Зеландии, EVA-9 выдала прогноз: архипелаг пострадает меньше всего, а значит, там получится спасти человечество, пусть и не всё. Сверившись с другими её прогнозами, которые показывали, что колония, построенная на случайных или самостоятельно выбранных союзах, имеет значительно более высокую вероятность внутренней дестабилизации в первые десять лет существования, чем колония, где совместимость просчитана заранее, технократы приняли непростое решение — переселять ту часть населения, которую смогут.

Так появилась Конкордия — экспериментальный го-

род-колония нового типа, расположившийся в восточной части Южного острова. Это был не город в старом понимании этого слова, а огромная территория, которая легко контролировалась с помощью ИИ, образцовое пространство новой социальной архитектуры. Белый город у океана, чистые линии улиц, спланированных так, чтобы минимизировать конфликты и максимизировать функциональность. Прозрачная инфраструктура, в которой каждый элемент находился под постоянным мониторингом. Население, отобранное и перераспределённое: специалисты, учёные, инженеры, медики, педагоги, люди с профилями, которые система считала ценными для стабильного общества.

Здесь EVA-9 получила то, чего раньше у неё не было: не отдельные сферы влияния, а целую территорию — замкнутую, управляемую, измеримую. Именно тогда подбор пары перестал быть рекомендацией. К 2050 году это стало обязательным. Официальный язык звучал безупречно: социальная стабилизация, снижение эмоционально-деструктивных рисков, профилактика насилия, демографическая гармонизация. Людям говорили, что это временная мера — необходимая на фоне продолжающегося мирового кризиса. Временные меры, которые приносят порядок, редко остаются временными.

Позже появились и другие города, распределившись по всему Южному острову, но Конкордия оставалась центром, превосходящим их по площади. Для удобства перемещения

между городами были созданы линии переброски, по которым двигались синхролайнеры — длинные, почти бесшумные составы с плавным магнитным ходом. Они не грохотали, не раскачивались и не казались отдельной машиной; скорее было ощущение, что сама линия мягко выталкивает их вперёд. Спустя какое-то время было принято решение сформировать Южный Альянс, включив в его состав все образовавшиеся города. Они возводились стремительно, опираясь на технологии, созданные под руководством ИИ.

В 2053 году обязательная Церемония Сопряжения была закреплена окончательно. Название выбирали тщательно — в нём были мягкость, торжественность, намёк на гармонию и почти религиозная уверенность в правильности происходящего.

В двадцать один год каждый был обязан пройти Церемонию Сопряжения. В назначенный день его имя появлялось в реестре, человека вызывали в церемониальный зал, и система называла имя того, с кем ему предстояло прожить жизнь — не несколько лет, не до первого кризиса, не до тех пор, пока чувства не остынут или не иссякнет терпение, а всю жизнь.

Отказавшиеся от Церемонии и те, кто не принимал решение системы, не становились ни героями, ни преступниками — они просто исчезали. Их имена пропадали из реестров, доступ к их профилям закрывался, а в Конкордии и других частях Альянса очень быстро привыкли не задавать лишних

вопросов, потому что любой понимал: то, что система считает ошибкой, надолго в мире не остаётся.

К 2126 году Конкордия стала образцом Южного Альянса — уцелевшим городом-колонией, который всем своим существованием доказывал, что новый порядок работает. В его основе лежал не хаотичный рост, а заранее просчитанная структура: сектора, службы, жилые зоны и рабочие контуры располагались так, чтобы каждый элемент был связан с другим и при этом оставался на своём строго отведённом месте.

В центре находился сектор управления — самое плотное и важное ядро города, где располагались главные органы системы. Вокруг него тянулись остальные сектора, жилые кластеры, медицинские и технические службы, а дальше — более удалённые и закрытые территории. Город не расплзался в стороны беспорядочно, а собирался кольцами и дугами, где каждое следующее пространство было продолжением предыдущего.

Подобно тому, как города связывались транзитными магистральями, внутренние сектора Конкордии объединялись транспортными и пешеходными линиями. Плавные круговые узлы создавали ощущение замкнутой, самодостаточной структуры, где всё на своём месте и ничто не существует случайно.

По всему Южному Альянсу меньше кричали и почти не разводились. Здесь не было трущоб и почти не было насилия. Здесь дети вырастали в мире, где слово «любовь» по-

прежнему существовало, но означало что-то ближе к «совместимости», «устойчивости», «одобренному союзу». Здесь человека с детства приучали к мысли, что однажды система увидит его истинную совместимость лучше, чем он сам.

Про остальную мир словно забыли: привычной власти не было, ИИ полностью взял на себя контроль над всеми сферами жизни. Пока за пределами Южного Альянса «полюхал» мир, внутри строилось новое общество, уверенное в том, что за его границами жизни больше нет. Пропаганда работала отлично — многие верили в то, что это спасение.

И всё же даже в таком мире оставалось нечто, что не укладывалось ни в одну формулу. Потому что никакой порядок не может до конца приструнить человеческое сердце. Он может запугать его, может научить молчать, может заставить притворяться послушным, но не способен гарантировать, что однажды оно не выберет вопреки расчёту.

Глава 1.

Элин Крейн проснулась оттого, что кто-то дышал ей прямо в рот. Она дёрнула головой, зарылась глубже в подушку, но нос тут же оказался у неё под глазом, а затем лапы пробежали по одеялу. Донеслось фыркание.

— Лиирааа, — провыла Элин, сгребая в объятия свою любимицу.

Лира чихнула и начала радостно облизывать хозяйку, показывая виляющим хвостом, как рада её пробуждению. Девушка открыла глаза.

Собачья морда была к ней так близко, что виднелись розовая точка на краю носа и тонкие белые волоски над бровями. Одно чёрное ухо клонилось чуть набок. Элин замечала это каждое утро и всегда улыбалась этим мелочам, как чему-то очень важному.

Бездомных животных в Конкордии не было. Домашнего питомца можно было взять только через «Главный центр домашних компаньонов» — так официально называлось место, куда приходили те, кто хотел выбрать себе животное. Система не подбирала питомца за человека: это по-прежнему оставляли в зоне личного решения. Но после выбора животное закреплялось за владельцем в реестре — с идентификатором, медицинским профилем, маршрутом наблюдения и правом проживания в конкретном жилом кластере.

Это считалось допустимой формой привязанности, не опасной для социальной устойчивости.

— Ты победила. Встаю.

Лира тут же спрыгнула и понеслась к окну, словно именно это и было целью всей операции.

Комната ещё держала в себе медленно ускользящий аромат ночи. На письменном столе, стоявшем справа от окна, лежал раскрытый блокнот. Элин вчера зачем-то записывала в него номера коробок от руки, хотя потом всё равно перенесла всё в линк. Люди совместили телефоны, компьютеры и записные книги в одном устройстве — линке. Внешне он напоминал смартфон. Сеть в Конкордии была общая, как такового «интернета» не существовало, но поддерживать общение с помощью линка люди могли: был единый мессенджер для переписок и звонков.

В комнате Элин всегда было чуть больше живого, чем в остальном доме. Горшки, бумага, тёплая керамика, сухие травы в банке у стены, колба с мхом, которую она приобрела однажды просто потому, что ей понравился тёмный, влажный цвет. В доме семейства Крейн всё остальное стояло как надо, работало как надо, дышало ровно и тихо.

Не спеша она села на край кровати, стоявшей у противоположной от стола стены, и посмотрела в окно. Улыбнувшись, накинула на себя кардиган, подаренный мамой. В доме явно ощущалась утренняя прохлада уходящего лета.

«Наверное, терморегулятор барахлит, нужно сказать от-

ду», — подумала Элин и подошла к окну.

Окно в её комнате было особенным — и не только потому, что широкий подоконник с мягким настилом позволял сидеть и любоваться видами прибрежной Конкордии. Из него открывался вид на внутренний двор, через который был виден дом семьи Рид. А окно Кайла, сына Льюиса и Мариши Рид, было почти напротив окна Элин, чуть наискосок, но это никак не мешало обзору.

Семьи Крейн и Рид жили в кластере Вереск-1 ранней сопряжённой устойчивости, в южной жилой зоне Вереск. Их дома стояли по разные стороны одного внутреннего двора. Это был один из тех образцовых кластеров, которыми Конкордия особенно гордилась: светлые фасады, зелёные стены, тихие дорожки, вода в биоканалах, удобство во всём.

В Альянсе кластер не являлся кварталом или микрорайоном в старом смысле. Он состоял из определённого количества домов и был рассчитан как замкнутая, устойчивая среда для конкретного типа гражданской жизни. Система не просто селила людей рядом друг с другом — она собирала кластер как формулу: возраст жителей, семейный статус, тип занятости, ритм рабочих маршрутов, уровень бытовой нагрузки, вероятность конфликтов, даже привычный уровень шума, света и движения в течение дня. Жилые зоны Конкордии отличались друг от друга архитектурой кластеров. В Вереске дома были одноэтажные, один дом принадлежал одной семье. В других жилых зонах было иначе.

Элин задержала взгляд на окне Кайла и с улыбкой скользнула к выключателю. В комнате зажётся свет — так она подала сигнал. Через пару секунд штора в окне Кайла полностью сдвинулась, и теперь они улыбались друг другу через расстояние внутреннего двора. Лира твякнула у стекла — негромко, скорее для порядка.

— Да, — вздохнув, сказала Элин. — Я понимаю.

Она быстро задёрнула штору и направилась вниз к завтраку.

Элин спускалась медленно. Лира бежала впереди, то и дело оборачиваясь и виляя хвостом. Коридор на первом этаже был узким, с панелями из светлого дерева — почти белёсого, с едва видимым рисунком волокна. Томас, отец Элин, выбирал его сам три года назад, когда отделку меняли по плановому регламенту кластера.

Коридор плавно перетекал в кухню-гостиную, соединяя с ней лестницу и санузел. На кухне горел не весь свет — только над столом и рабочей поверхностью. Остальное ещё оставалось в утренней серой тишине. Большое восточное окно держало мягкий рассеянный свет со стороны общественного сада, и лучи ласкового солнца постепенно проникали вглубь дома.

Стол был длиннее, чем нужно для троих. Томас объяснял это практичностью: место для документов, для модулей, для случайных гостей. Гости почти не бывало. На конце стола, где обычно сидел Томас, уже висела рабочая панель: нагруз-

ки по кластерам, семейные коэффициенты, бытовые перерасчёты.

Алисия помешивала что-то на плите и одновременно читала рабочий лист, держа его в левой руке чуть выше уровня глаз и немного наклонив голову. Так она читала, когда текст был сложным или когда в нём было что-то, что не отпускало внимание. Когда Элин вошла, Алисия обернулась, положила лист на столешницу и с мягкой улыбкой подошла обнять дочь.

— Доброе утро, милая. Как спалось? — с нежностью в голосе спросила она.

— Доброе утро, мамуль. Прохладно в комнате, наверное, терморегулятор сбоит, нужно сказать папе. — Элин улыбнулась, отстраняясь после объятий. — Жутко голодная. Что у нас на завтрак?

— Рисовая каша с персиками, дорогая.

Элин обожала рисовую кашу с персиками, как и всё, что готовила её мама. Алисия готовила весьма недурно — без какого-то особого энтузиазма, просто с любовью.

Томас спустился через несколько минут уже полностью собранным. Рубашка застёгнута на все пуговицы, браслет допуска на запястье, серьёзное выражение лица сулило настрой на продуктивную работу и, как обычно, на отсутствие желания поболтать. В детстве Элин думала, что он не просыпается постепенно, как обычный человек, а скорее переключается, как машина, из режима «выкл.» в режим «вкл.».

Заходя на кухню, он поцеловал Элин, сидевшую за столом в ожидании завтрака, в макушку, быстро обнял жену и сел за рабочую панель.

Томас работал в «УЖУ» — Управлении Жилой Устойчивостью, в подразделении сектора семейной нагрузки и жилого распределения. Здание, в котором он работал, было с неявным оливковым оттенком, имело большие окна, пропускавшие уйму дневного света, и шесть трёхметровых этажей. В общем, оно впечатляло своей высотой, но вот в ширину было совсем небольшим.

УЖУ отвечало за жилые кластеры, распределение семей, бытовую логистику, коммунальные нагрузки, ресурсную устойчивость, переселение, расчёт семейной и демографической нагрузки. Томас работал там вот уже двадцать пять лет, его всё устраивало. На обеденном перерыве он обычно прогуливался со своим братом Адамом, работавшим в Управлении Социальной Адаптации, здание которого располагалось рядом. Адам был младше Томаса на пять лет, жил в соседнем кластере Вереск-2 со своей женой и двумя дочерьми. УСА следило за тем, чтобы дети воспитывались внутри нормы, отвечало за эмоциональную дисциплину и подготовку к Церемонии, проводило профилактику отклонений, формировало гражданское согласие. Адам часто рассказывал своему брату о правильности воспитания детей, поэтому Томас всегда был осведомлён о том, как именно он должен воспитать Элин.

Время в ожидании завтрака, пока Лира крутилась у ног и облизывала коленки, каждый раз казалось очень подходящим для того, чтобы смотреть на родителей, анализировать их совместимость, думать о том, что они чувствуют и что чувствовали тогда, когда встретили друг друга. В доме Крейн не принято было начинать такие разговоры, потому что Томас был уверен: они повлекут за собой сомнения дочери в востребованности правил, установленных в Конкордии.

Система свела его с Алисией в двадцать один год. Они были тем поколением, которое появилось на свет уже после всех переломных событий. Только живой тяги в доме всё равно не хватало, хоть и ладили они с Алисией очень славно. Никогда не спорили, не ругались, поддерживали друг друга в мыслях и идеях, просто были скорее компаньонами или хорошими приятелями.

Алисия работала в «АКК» — Архиве Культурной Консервации, в подразделении личных свидетельств и доцифровых носителей. Она разбирала старые письма и дневники, личные карточки и бумаги доцифровой эпохи. Алисия, в отличие от Томаса, совершенно неспокойно переживала то, что ей назначали человека без её собственного выбора. Она плакала, злилась, мысленно обрекала себя на страдания, но всё равно смело приняла выбор системы. Ей повезло, в каком-то смысле, потому что Томаса ей подобрали вполне удачно, и обещанные самой себе страдания в реальность не воплоти-

лись — осталась лишь слабая тоска. Повезло и потому, что к моменту Церемонии её сердце не было кем-то занято.

— У нас во второй партии странные пометки, — сказала Алисия, расставляя чашки с кашей. — Нештатные. Кто-то правил уже после первичной оцифровки.

Томас поднял глаза.

— Ты знаешь, что нужно сразу доложить об этом. Пусть разбираются сами.

— Нет, сначала я хочу разобраться. Может, я смогу понять, кто их оставил.

Он положил ладони на стол, переплёл пальцы, нахмурился и посмотрел на супругу.

— Ты снова копаешься в обход протокола, а потом, если на этот раз уже не пронесёт, будешь жалеть.

— Если бы я всегда шла только по протоколу, половина вашего образцового прошлого давно бы рассыпалась в труху.

Он не ответил сразу. Посмотрел на неё, потом на Элин, как будто та тоже каким-то образом участвовала в этом разговоре. Ему не нравилось, что Алисия будто не понимала важности правильного воспитания дочери — такого воспитания, как велит система. Томас никогда не был скандальным или грубым, скорее мнительным и верным порядку.

Элин опустила взгляд в тарелку и стала есть кашу быстрее. В голове у неё замелькали отрывки воспоминаний. Южный фонд. Письма. Мокрая бумага. Память зацепилась сразу, как заусеница за ткань.

Два года назад Элин проходила свою первую настоящую стажировку. Система определила её в Архив, точно так же, как и мать. Герметизация в нижнем хранилище пошла по шву: влага полезла в сектор с личными письмами доцифровой эпохи. Из модуля инфраструктурной диагностики, относящегося к Службе Транспортной Диагностики, прислали стажёров в качестве помощи для переноса бумажных материалов в сухое место, пока поломку не устранят.

Элин стояла на коленях у нижнего шатающегося стеллажа и тянула застрявшую коробку с письмами на себя, когда за спиной раздалось:

— Не так. Подожди.

Она обернулась и увидела его. Кайл стоял в тёмной куртке стажёра в двух метрах от неё, его тёмные влажные волосы держали капли у висков. Он подошёл ближе и наклонился так близко, что можно было разглядеть янтарную радужку глаз и ямочки, появившиеся от улыбки.

— Позволишь осмотреться? — не переставая улыбаться, сказал он.

Элин подвинулась в сторону, уступая ему место. Осмотрев стеллаж, он сказал:

— Не первая течь? И почему это старьё не утилизировали, ножка ведь отсырела! Обычное дерево... — Кайл медленно покачал головой. — Сейчас я зафиксирую стеллаж, а ты достанешь коробку, и потом можешь уходить отсюда, с остальными я сам справлюсь.

После этого дня он начал появляться рядом слишком часто, чтобы можно было продолжать верить, будто это случайность. Элин и Кайл выросли в одном кластере, но всегда были не больше чем просто соседи и никогда не общались, как и их родители. Но тот день, та встреча будто изменили всё сразу: они оба посмотрели друг на друга уже иначе...

— Элин. — Голос Алисии выдернул её обратно. — Ты намазала хлеб джемом. Чего не ешь? О чём задумалась?

Элин опустила взгляд и обнаружила, что совсем забыла о куске хлеба с клубничным джемом, а джем тем временем норовил сбежать по её пальцу. Она быстро управилась с беглецом и, допив чай, направилась в комнату за сумкой с рабочими принадлежностями.

Томас загрузил посуду в посудомоечный блок, крепко обнял Алисию, а после отстранился, держа её за плечи, и сказал:

— Ты же знаешь, как важно подать правильный пример Элин. На носу Церемония, у нас не должно быть проблем.

— Знаю, Томас. Просто мне кажется, что она и так что-то скрывает от нас. Я хочу быть ей другом, показать, что я тоже живая и мне можно доверять. — Алисия склонила голову с особой грустью, будто тосковала по какому-то своему прошлому, а не грустила об Элин.

— Система позаботится о ней, ей найдут достойного человека, и наша дочь будет в порядке, а ты сможешь видаться с ней каждый день на работе.

— С чего ты взял, что ей предназначен человек из нашего или соседнего кластера? Вдруг ей придётся покинуть нас и уехать далеко? — Алисия взволнованно обернулась на лестницу, переживая, что Элин может услышать.

Элин в это время как раз подслушивала их разговор, сидя у перил лестницы на втором этаже. Церемония — то, чего она очень боялась, ведь они с Кайлом любили друг друга, и она не могла допустить, чтобы их разлучили. Раньше они не переживали об этом — времени было навалом. Но сейчас, когда осталось так мало времени...

Томас надел куртку, проверил браслет допуска, поцеловал Алисию и взглянул на неё так, будто просил поговорить с дочерью в нужном ключе. Он всегда уходил на работу первым. Элин спустилась пожелать отцу хорошего дня, а он коснулся ладонью её плеча и, выходя за дверь, сказал:

— Днём поешь нормально.

— Вас двое, — ответила Элин с улыбкой. — Не дадите забыть.

Томас улыбнулся в ответ, перевёл взгляд на Алисию и, выдержав ещё секунду, закрыл дверь.

Спустя время Алисия с дочерью тоже вышли из дома и направились в Архив. На улице пахло солью и влажным камнем. С побережья тянул лёгкий ветер, дорожки после ночного увлажнения ещё поблёскивали. У края биоканала росла низкая трава с бледными, почти прозрачными цветками нежно-розового оттенка. На живом фасаде соседнего дома

шевелились мелкие листья, и вода, стекая по ним, капала в узкий лоток у стены.

Из дома напротив, будто совсем случайно и в то же самое время, вышел Кайл. Элин увидела его раньше, чем успела вернуться или сделать вид, что не ждала. Тёмная куртка диагностической службы, застёгнутая только до середины, рабочий рюкзак через плечо, волосы, которые идеально лежали даже при такой влажности, сосредоточенный вид и злобный батончик в руке. Кайл всегда перекусывал по дороге на работу батончиком.

Он шёл быстро, но, сделав вид, что только заметил их, чуть сбавил шаг.

— Доброе утро, сегодня свежо. — Кайл улыбнулся.

— Доброе, Кайл, — ответила Алисия.

— Доброе, — сказала Элин, делая вид, что не испытывает огромной бурлящей радости внутри. — Люблю свежесть и прохладу.

Кайл улыбнулся ещё шире, но почти сразу убрал эту вырвавшуюся эмоцию.

Он посмотрел на Элин более явно: сначала в глаза, потом на губы, затем на шею у воротника, сглотнул и снова посмотрел в глаза.

— Вы рановато сегодня, — сказал Кайл, переводя взгляд на Алисию. — Много работы?

— Поступила новая партия, — сказала Алисия. — Лучше не тянуть.

— Тогда вам не позавидуешь. — Кайл снова посмотрел на Элин. — У тебя снова письма?

Она не сразу поняла, что задержала дыхание и что волнение прошибло её с головы до ног. Это было тем личным, что вряд ли было бы положено знать обычному соседу. Со временем становилось всё труднее скрывать чувства, труднее отказываться от прикосновений и взглядов.

— Да, вчера разбирала партию, не могла оторваться. Представляешь, один человек писал своей сестре тринадцать лет, — ответила Элин, — а ответа ни разу не поступило.

— Да уж, грустная история. Надеюсь, каждый, кто желает соединиться или найтись с кем-то определённым, получит желаемое.

На этих словах у Элин по коже побежали мурашки. Было очевидно, что они адресованы ей. И Элин понимала: сейчас они допустили большую и очень заметную ошибку. Алисия повернула голову с особым интересом.

— Тебе куда сегодня? — спросила она у Кайла.

— Восточный узел. Потом нижний сервисный. — Кайл сглотнул, но постарался не подать вида, что занервничал. Он понимал, что нужно завершать разговор.

— Что-то стряслось?

— Проверка давления. Может, и ничего.

Он сказал это ровно, но палец предательски поёрзал по обёртке батончика несколько раз, прежде чем рука успокоилась. Элин видела этот жест слишком часто, чтобы не узнать:

сейчас Кайл очень нервничает.

— Ну, — спокойным голосом сказала Алисия, — не будем задерживать.

Кайл кивнул, секунду не двигался, потом пошёл. У поворота оглянулся — не всем корпусом, только головой. Элин успела заметить, как он на ходу поправил воротник, а после поймала себя на мысли, что пялится слишком подозрительно для простой соседки.

Они двинулись дальше. Алисия шла рядом и молчала так долго, что Элин уже выдохнула, подумав, что вопросов не последует и они с Кайлом остались незамеченными. Но вдруг Алисия спросила:

— Давно это у вас?

Элин остановилась. У самой кромки дорожки качнулся белый цветок и ткнулся ей в ботинок. Она не подняла головы сразу, только сунула руку глубже в карман, нащупала пропуск в рабочий модуль и сжала его.

— Я не... — Элин вытащила руку из кармана и тут же снова сунула обратно. Пропуск в ладони стал мокрым.

Алисия шла рядом, чуть ближе к краю дорожки, чтобы не задевать влажную траву. Солнечные лучи уже полностью выбрались из-за дальних фасадов, улицы потихоньку заполнились людьми, идущими по своим делам.

— Я не понимаю о чём ты. — Больше Элин ничего не смогла сказать.

Алисия молча кивнула в ответ, будто сама не торопилась

говорить, а обдумывала и анализировала. Они вышли из жилой зоны к пешеходной линии, ведущей в сторону Архивного сектора.

Здесь Конкордия уже ощущалась иначе. Дома были расположены не так близко друг к другу, как в жилых зонах, между ними были заложены полосы низких деревьев, открытые участки воды, дорожки из светлого композита, который после дождя почти не темнел. По левую руку вдалеке тянулся сектор Управления, а перед ним, ближе к пешеходной линии, располагались магазинчики и центры развития.

В Конкордии остались небольшие отголоски малого бизнеса, находились люди, желающие воплощать творческие идеи. Некоторым везло — система определяла в них устойчивый талант, творческий потенциал и предпринимательскую жилку, поэтому разрешала открывать собственные магазины, центры развития и творческие студии. В одном из таких магазинов Элин как раз и приобрела мох в колбе. Система не препятствовала тому, чтобы люди развивали собственное дело, просто со временем былой мир стал настолько чужим, что большинству это было неинтересно. По правой стороне располагались другие кластеры: люди шли там бесшумно, отдельными фигурами и издалека казались почти одинаковыми.

Главная пешеходная линия была одной из самых красивых улиц Конкордии: большой простор, идеально выложенная плитка, красиво и симметрично посаженные деревья, ку-

старники и цветы. Биоканалы, небольшие пруды, красивые аллеи, уходящие от пешеходной линии вглубь идеально ровных скверов. Дальше по пешеходной линии можно было попасть в Архивный Сектор. Там построили Архив Культурной Консервации, а совсем неподалёку, у самого побережья, расположили Прибрежный Экологический Сектор.

Здание Архива выглядело красивым. У Элин каждый раз захватывало дух, когда открывался вид на него. Фасады были отделаны матовыми панелями светлого каменно-песочного оттенка, стеклом и узкими вертикальными ламелями, которые резали свет на длинные ровные полосы и делали здание легче, чем оно было на самом деле. По боковым стенам спускались каскады встроенной зелени, но очень дозированно — не так, чтобы скрыть архитектуру, а так, чтобы смягчить её строгость. Главный вход вёл через широкую светлую платформу, вынесенную над водой, и из-за этого создавалось ощущение, будто Архив стоит не на земле, а на границе двух сред. Ниже начиналась другая архитектура — более глухая, тяжёлая, почти лишённая стекла. Эта часть уходила вниз, под уровень воды, и именно из-за неё всё здание казалось странно вытянутым в глубину, а не в высоту.

Архив Культурной Консервации стоял у искусственного исследовательского водоёма. Нижние герметичные ярусы Архива были опущены ниже уровня водоёма ради тишины, ровной температуры и защиты хрупких носителей от резких колебаний внешней среды. Вода выравнивала температуру,

гасила вибрации, работала как элемент аварийной защиты и снижала нагрузку на климатические системы хранения.

Дойдя до здания, Алисия заговорила, остановившись у платформы:

— Я спрашиваю не потому, что хочу тебя поругать.

Элин подняла голову, ступила на платформу и замедлила шаг, чтобы не торопиться заходить в Архив. Справа от платформы в воду спускались технические лестницы, которыми пользовались только сервисные группы. Левее, за тонкой стеной стекла, начинался нижний реставрационный ярус. В ясные дни оттуда иногда можно было увидеть движение людей — словно они работали не в здании, а внутри самой воды.

— Я знаю, — ответила Элин, полностью развернувшись к маме лицом.

Алисия посмотрела не на неё, а на Архив.

— Тогда не заставляй меня вытаскивать это из тебя клещами.

Элин провела языком по губам. Соль с воздуха уже осела на коже тонкой плёнкой.

— Не сейчас.

Алисия кивнула и притянула дочь к себе. Прижимая Элин к груди, она глянула на камеры у входа в Архив и тихо проговорила ей на ухо:

— Будь осторожна, милая, и помни, что я всегда на твоей стороне.

Они прошли по платформе дальше и вошли в здание. На входе, под высоким стеклянным навесом, уже проходили люди из утренней смены: кто-то с коробками, кто-то со стопками бумаг, кто-то с линком в руках. Элин приложила браслет к рамке доступа. Рамка мягко мигнула, и стеклянная створка ушла в сторону.

Внутри Архив всегда пах одинаково — сухой бумагой, тканью, нейтральным раствором для очистки поверхностей и особой прохладой. Звуки здесь тоже были другими: не тише, а аккуратнее. Элин с мамой работали в разных модулях, но на одном уровне. Они с Алисией разделились у внутреннего коридора, обменявшись тёплыми улыбками и договорившись встретиться за обедом.

В своём модуле Элин сразу увидела Миранду. Та уже была на месте, хотя обычно опаздывала на пару минут. Миранда стояла у рабочего стола и как-то взволнованно перекладывала стопку картонных карточек с места на место. Светлый хвост, собранный на затылке, съехал чуть ниже, передние пряди выбивались и лезли на глаза. Одета она была не как обычно — в нарядные платья, а в рабочий комбинезон, который использовала для садоводства у себя дома.

С ней явно было что-то не так. Элин обратила на это внимание сразу и ускорила шаг к подруге, чтобы выяснить, в чём дело.

Миранда была старше Элин на три года и жила в том же кластере Вереск-1, только в самом дальнем доме, у северного

края, где уже начинались переходы к Вереску-2. В детстве это расстояние казалось огромным, но они всё равно ходили друг к другу в гости и даже устраивали ночёвки. О ночёвках им рассказала Алисия: она вычитала об этом в Архиве, когда разбирала стопку личных дневников девочек из прошлого века. Да, такого добра тоже хватало — в Конкордию то и дело поступали откуда-то новые материалы.

— Ты что-то рано, — сказала в шутку Элин, снимая куртку. — На целых пять минут раньше пришла.

Миранда так резко подняла голову, что карточки в её руках разъехались веером.

— Мира, я, конечно, понимаю, что ты старше, но вроде в твоём возрасте ещё не должны трястись руки. — Элин посмеялась.

Но Миранда даже не улыбнулась в ответ. Она уселась в кресло с таким видом, будто знала о конце света, о котором не знал никто.

Элин замерла с курткой в руках.

— Что?

— Ничего. То есть не ничего.

Миранда всё-таки встала, потом сразу села обратно, потянулась к линку, убрала руку обратно, прикусила губу и посмотрела на Элин глазами, полными сожаления, а после опустила взгляд. На её столе уже лежала стопка мелких личных писем, завязанных выцветшей лентой, но Миранда даже не развязала её. Это само по себе было странно. Она не отно-

силась к работе спустя рукава и вовсе не любила излишних страстей, а сейчас выглядела так, словно вся её жизнь была сплошной драмой. И если уж она начинала ёрзать на месте, значит, внутри у неё действительно что-то скреблось.

— Да что случилось, Миранда?! — практически завопила Элин. — Говори уже, не нужно меня мучить.

Миранда шумно выдохнула через нос.

У неё была редкая для Конкордии удача — на Церемонии Сопряжения для неё выбрали человека, которого она не просто научилась терпеть, а действительно полюбила, и он любил её. Элин считала, что Миранда именно поэтому позволяла себе думать, будто она не такая, как все. А возможно, она и правда была такой. Миранда действительно казалась чуть свободнее, чуть проще.

Люк, муж Миранды, работал в Управлении Сопряжения и Совместимости. Миранда говорила о его работе скупно, без деталей, и обычно этого было достаточно, чтобы Элин не задавала вопросов.

— Люк вчера видел предварительные списки, — сказала Миранда.

Элин повесила куртку на спинку стула очень ровно, так, будто от точности этого движения что-то зависело.

— Миранда.

— Я знаю.

— Не надо так начинать.

— А как? — Миранда наконец подняла на неё глаза. —

Как это вообще начать нормально?

В модуле было тихо. Только в дальнем конце один из работников едва слышно шелестел бумагой, перебирая чьи-то записи. За стеклом, в соседней секции, кто-то прокатил тележку с коробками, колёса тихо постукивали на стыках пола. У Элин застучало в висках. Она осторожно села на стул и положила руку на сердце. Сглотнув, нахмурила брови, опустила руки на колени и обратилась к подруге:

— Говори.

Миранда сжала пальцами край стола.

— Тебе уже назначили пару.

Слова вошли в воздух и повисли там, не оседая. Элин не пошевелилась.

— Кто?

— Парень из другого кластера. Люк сказал, что его зовут Мэтью.

Элин смотрела на ленту на письмах, лежавших у Миранды на столе. Та была бледно-синяя, почти серая, в одном месте надломленная от старости.

— Милая, хочешь, мы дойдём до моей мамы? Как ты себя чувствуешь? — спросила Миранда.

Элин отрицательно замотала головой.

Мама Миранды работала в Медико-Биометрическом управлении, находившемся справа от здания Архива, примерно в полукилометре. Всё, что Медико-Биометрическое управление собирало о человека, должно было сразу по-

ступать в систему. Там вели биометрические профили, сверяли гормональные колебания, просчитывали репродуктивную совместимость, держали под контролем нейроповеденческие сдвиги, сопровождали пары после Церемонии Сопряжения и, вероятно, знали о любом гражданине столько, сколько сам гражданин о себе не знал. Миранда виделась с мамой нечасто, в основном только тогда, когда приходила на проверки здоровья, а теперь они с Люком ещё и проходили программу подготовки организмов к зачатию и родам.

На каком-то этапе формирования новой системы EVA-9 пришла к выводу, что лучше всего будет постановить запрет на отношения до Церемонии — во избежание сердечных ран и беспорядочных половых связей. Главный упор делался на образование и развитие важных социальных навыков. Конечно же, это не соблюдалось, просто делалось скрытно. Что касается контрацепции, в Конкордии ребёнку почти сразу после рождения вшивали репродуктивный адаптер — мягкий биоадаптивный механизм, который рос вместе с телом и снаружи никак не выдавал своего присутствия. До определённого возраста он оставался почти неактивным, и только когда организм входил в фазу созревания, механизм начинал работать в полную силу. Причём работал он у каждого по-своему: EVA-9 не запускала его по общей возрастной отметке, а ждала, пока тело само подаст нужные сигналы. У кого-то он включался раньше, у кого-то позже, в зависимости от темпа развития, гормонального фона, биометрических и

нейрофизиологических показателей.

Механизм не ломал естественный цикл и не вредил организму. Созревание шло своим чередом, гормональный ритм сохранялся, организм проходил все положенные ему фазы, но адаптер не позволял зачатию завершиться. Он временно блокировал биохимическое распознавание между клетками, то самое «узнавание», без которого слияние не могло дойти до результата, а также защищал от любых инфекций.

Благодаря регулярным проверкам, ранней диагностике и уровню медицинских технологий, болезни, передающиеся половым путём, почти исчезли как явление, и всё же адаптер имел встроенный защитный режим: на всякий случай он отслеживал чужеродные патогены и не позволял им закрепляться в слизистых тканях. Система не любила оставлять даже минимальную вероятность там, где можно было предусмотреть дополнительную защиту.

После Церемонии Сопряжения адаптер не вынимали, его переводили в другой режим. Если сопряжённая пара решала, что готова к ребёнку, они подавали запрос, проходили совместную оценку, и тогда система открывала так называемое репродуктивное окно. В этом режиме адаптер уже не блокировал зачатие, а, наоборот, помогал организму: синхронизировал биологические ритмы, снижал риск раннего отторжения и отслеживал критические показатели.

— Это предварительное закрепление. Не публичное ещё, но Люк бы не сказал, если бы не был уверен. Мэтью, насколько

ко мне известно, из Осоки-3.

Кластеры Осока были предназначены для тех, кто работал с выращиванием, сортировкой, регенерацией почвенных смесей, распределением пищевых потоков и всем тем, что в Конкордии называли устойчивым продовольственным контуром. Жилая зона Осока находилась далеко, на другом конце Конкордии, а это означало, что Элин переедет туда и система, скорее всего, перераспределит её в другой рабочий модуль.

Элин медленно втянула воздух. Потом ещё раз: первый вдох застрял где-то под горлом, второй прошёл ниже.

— А Кайл?

Миранда опустила глаза.

— Ему ещё никого не закрепили. У него не закрыты финальные тесты. Какой-то последний блок по совместимости и нейроповеденческому профилю. Люк сам толком не знает или не сказал мне. Прости, мне так жаль... Церемонию назначали на тридцатое ноября...

Элин встала так резко, что стул сдвинулся на несколько сантиметров назад и мягко заскрипел по полу.

Миранда тоже поднялась.

— Тише.

— Тише?

— Элин, пожалуйста.

Элин отвернулась к окну модуля. Из него был виден только узкий кусок воды и нижняя часть внешней стены Архива

— та, что уходила в воду без видимого конца. На поверхности качнулась тонкая полоска света, и у неё перед глазами на секунду стало почти темно, как в тот момент, когда слишком быстро выныриваешь из глубины.

— Три месяца... Церемонию назначали на тридцатое ноября, значит, осталось всего три месяца... — прошептала Элин.

Иногда она думала о том, что если ей не суждено быть с Кайлом, то уж лучше отправиться в Сектор Коррекции Отклонений. Туда направляли работать тех, кому система не подобрала пару, словно уже сам этот факт делал человека пригодным для жизни в месте, где всё построено вокруг исправления ошибок. Говорили, что те, кто уезжал туда по распределению, обратно не возвращались. Не потому, что их запирали физически (по крайней мере, так никто не формулировал), а потому, что сама логика этого места была устроена иначе: замкнутая среда, закрытые допуски, служебное жильё, внутренний цикл. Те, кто попадал внутрь, оставались частью сектора, как детали, которые однажды вставили в механизм и больше не вынимали.

Официально Сектор Коррекции Отклонений занимался сопровождением отказавшихся от Церемонии, обработкой нестабильных профилей, изоляцией несовместимых отклонений, выведением субъектов из активной среды, аннулированием доступа и прекращением гражданской видимости. Никто не знал, что происходит с теми, кого туда передают;

просто человек однажды исчезал из реестров, маршрутов, бытовых линий, из всех мест, где его можно было бы встретить, и постепенно — из разговоров тоже.

— Я не знала, как сказать, — прошептала Миранда. — Думала, скажу сразу. Потом думала, может, дождаться обеда. Потом увидела тебя и поняла, что если не сейчас, то я вообще...

Элин провела ладонью по лицу, пальцы оказались ледяными. Она медленно вздохнула.

— Элин...

— Всё нормально.

Нормально не было. Ничего в теле не говорило о нормальности. Элин начало потрясывать. Она вдруг очень отчётливо поняла, что времени больше нет, что все их тайные встречи с Кайлом, все взгляды, улыбки, короткие прикосновения и слишком долгое молчание рядом — всё это теперь стоит на краю чего-то, что движется в пропасть быстрее, чем она успевает моргнуть.

— Ты должна сказать ему, — тихо сказала Миранда. — Вы вместе придумаете что-нибудь. Я спрашивала у Люка, может ли он что-то поменять, помочь, но он сказал, что не получится.

Элин закрыла глаза на секунду. Она нежно произнесла его имя у себя в голове и увидела Кайла так ясно, будто он стоял здесь, в модуле, за соседним столом, и сейчас собирался подойти к ней, чтобы успокоить, обнять, сказать, что всё бу-

дет хорошо. Рука на ремне рюкзака, волосы ещё влажные от утреннего воздуха, спокойный голос, мягкий взгляд и нежный поцелуй в ямочку над ключицей.

— Да. — Элин вздохнула. — Хотелось бы верить в то, что это возможно.

Она задвинула стул к столу и направилась ближе к окну.

Миранда молча наблюдала за тем, как Элин ходит из стороны в сторону. Повезло, что сегодня в модуле были только они вдвоём и ещё одна женщина, настолько поглощённая своей работой, что не замечала активных обсуждений двух подруг. Элин маячила туда-сюда, пока вдруг резко не схватилась за голову, а после подбежала к Миранде и, встряхнув её за плечи, нервно затараторила:

— Сегодня его направят на дополнительную половину смены, поэтому он будет дома поздно. Завтра он с семьёй уезжает в другую жилую зону на празднование юбилея тётки, и мы тоже не увидимся толком. Но раз за мной закрепили пару, значит, сегодня-завтра пришлют уведомление о собрании, а раз так, послезавтра в полдень я иду на собрание. После него родителей соберут вместе, и мы останемся на какое-то время одни.

Проговорив это на одном дыхании, Элин жадно втянула новую порцию воздуха и уставилась на Миранду. Подруга слабо кивнула. Конечно, такие собрания проводили раньше и регулярно: общая информация, бытовые инструкции, предварительные формальности, маршрут на сам день Це-

ремонии. Семьи на это время освобождали от работы, после основной информации оставались только родители для уточнения ряда деталей.

— Кайл будет там, — сказала Элин. — Если его профиль почти закрыт, семья всё равно получит вызов. Их приглашают ещё до окончательного закрепления пары.

Миранда смотрела на неё молча, не совсем понимая к чему она ведёт.

— Я скажу ему послезавтра, — произнесла шёпотом Элин. — Мы что-нибудь придумаем, не знаю, может, сбежим или ещё что. Может, за пределами Конкордии всё же есть жизнь?

Миранда округлила глаза и притянула подругу за воротник ближе.

— Ты совсем больная, Эл? Какая жизнь за пределами Конкордии, как ты себе это представляешь? — Миранда лёгким движением словно оттолкнула Элин обратно.

Девушки смотрели друг на друга молча. Обе понимали, что система требовала доносить о такого рода высказываниях, тем более никто не исключал, что линки прослушивались.

— Думай, что говоришь! — злобно прошипела Миранда, указывая кивком на лежащий рядом линк.

Элин одёрнула себя. Она понимала, что перегибает палку, но не могла должным образом контролировать эмоции. Томас всегда говорил своей жене, что в этом плане они недо-

глядели за дочерью, не воспитали в ней истинный стержень Конкордии.

— Хорошо, хорошо, прости, — зашептала Элин, — я просто очень нервничаю. Это ощущается так, словно, если я сейчас не сообщу Кайлу, за эти пару дней уже случится Церемония и нас разлучат.

Она отодвинула стул и снова упала в него.

— Эл, ты же знаешь, что я всегда на твоей стороне. Мы с Люком поможем всем, чем сможем, но ты тоже не перегибай. Я сегодня вечером поговорю с ним. Мой муж хороший человек, возможно, подскажет что-то. Не всем повезло так, как нам, мы это понимаем, поэтому искренне сочувствуем. Только прошу, не торопись и будь осторожна: ты владеешь информацией, которой не должна владеть, помни это.

Элин послушно кивнула и развернулась на стуле к столу. Она хотела продолжить разбирать вчерашние письма, но руки совсем не слушались. Помучившись так ещё минут тридцать, она хлопнула ладонями по столу, вскочила, схватила куртку и направилась к выходу со словами:

— Нет, Мира, я так не могу. Я пойду к нему сейчас.

Глава 2.

Элин вылетела из модуля так стремительно, что едва не врезалась в тележку с коробками у стеклянной перегородки. Колёса глухо ударились о стык пола, одна из коробок опасно качнулась, и женщина из соседней секции вскинула голову. Элин что-то выдохнула — не то «извините», не то просто воздух, — прижала к груди куртку и линк, будто всё это могло удержать её изнутри, и побежала дальше.

Коридор Архива, длинный и прохладный, вытянулся перед ней словно на много километров — по крайней мере, так казалось от стресса и внутренней спешки. Сверху лился ровный рассеянный свет, за стеклянными стенами медленно двигались люди, скользили тележки, шелестела бумага. Всё оставалось на своих местах. Всё дышало тихо и правильно, и только у неё внутри разгорался хаос ярким пламенем.

Она почти дошла до поворота к выходной платформе, уже ясно представляя, как окажется снаружи: на светлом мостке над водой, потом на пешеходной линии, потом где-нибудь у транспортных корпусов, где хотя бы можно будет не слышать этот проклятый шелест бумаги, — когда вдруг поняла, как это выглядит со стороны. Сотрудница Архива среди рабочего дня срывается с места, хватает вещи и мчится неизвестно куда, да ещё с таким выражением лица, словно всё пропало.

Элин остановилась так резко, что линк выскользнул из

рук, а сама она схватилась за стену и начала глубоко дышать. Тянущее чувство в животе подсказывало: она на пределе. Немного отдышавшись и уняв покалывание в затылке, она наклонилась поднять линк. Он казался жутко ледяным, и это снова натолкнуло её на плохие мысли.

Сзади хлопнула дверь модуля, послышались быстрые шаги, и кто-то схватил её за плечи.

— Ты совсем с ума сошла? — прошептала Миранда, нагнав её у ниши для архивных коробок. — Ты куда собралась?

Элин повернулась к ней. Воздух в груди всё ещё сбивался на короткие, неровные вдохи.

— К нему.

Миранда на секунду закрыла глаза, будто собиралась с силами, нервно вздохнула и, крепче сжав плечи подруги, продолжила шептать:

— А потом куда? Сразу в сектор коррекции?

— Я не могу там сидеть, — выговорила Элин. — Я не могу просто сидеть и ждать, пока...

Она не договорила. Слова упёрлись в зубы, ком в груди начал твердеть, ноги становились ватными. Элин слегка качнулась вперёд, будто упираясь плечами в руки Миранды и находя в этом опору. Миранда оглядела бледное лицо подруги и с заботой в голосе сказала:

— Я не говорю тебе сидеть. Я предлагаю подумать. Давай вернёмся в модуль и просто обдумаем, как поступить. Если ты сейчас вылетишь отсюда, весь Архив будет помнить, как

ты сорвалась с места с таким лицом, будто у тебя дом загорелся. И не просто будут помнить — кто-то однозначно забьёт тревогу.

Элин отвернулась и уткнулась лбом в стекло. За окном на солнце поблёскивал водоём, вода шла лёгкой рябью от ветерка, который периодически подхватывал пыль с дорожек. Картина выглядела успокаивающей. Элин вздохнула ещё раз, подняла взгляд выше — и он тут же упёрся в здание Медико-биометрического управления.

Она чувствовала, как подкашиваются ноги и учащается пульс. Ей отчаянно хотелось сейчас стоять не здесь, а бежать к Кайлу — в его объятия. Два года они скрывали свои чувства, два года довольствовались тем малым, что могли себе позволить, а теперь даже эта малость оказалась под угрозой.

Миранда что-то говорила рядом, но Элин настойчиво гипнотизировала улицу, концентрируясь на шуме в ушах. Она повернула голову в сторону голоса подруги, но почти сразу же обессиленно вернула лоб на место и снова уставилась на здание за окном.

— Ты сама сказала, что я должна ему сказать, — еле шевеля губами, проговорила Элин.

— Да. Но я не говорила, что нужно сделать это самым глупым способом из всех доступных, Эл.

Элин нервно выдохнула, не переставая смотреть вдаль. Миранда помолчала с минуту, наблюдая, как Элин протирает стекло лбом, а потом поняла, куда устремлён взгляд по-

други, и, шагнув ближе к окну, произнесла:

— Моя мама.

Элин даже не пошевелила головой.

— Что — твоя мама?

— Мы можем пойти к ней на работу. Сказать, что тебе плохо. Тебе даже притворяться не нужно: ты сейчас выглядишь вряд ли лучше мёртвого. Там можно придумать причину, по которой мама вызовет Кайла и его бригаду на срочный осмотр. Например, из-за вымышленного заражения.

Элин медленно повернула голову к Миранде и посмотрела на неё, не моргая.

— Какой ещё осмотр?

— Не знаю, господи, чёрт... Например, подозрение на новый вирус или что-то такое. В общем, мама придумает. Пойдём.

Элин ничего не ответила. Она снова повернулась к окну, будто примерялась к этой идее. Миранда сделала шаг ближе и понизила голос ещё сильнее:

— Но тогда придётся рассказать маме про тебя и Кайла.

Вот теперь слова наконец дошли до неё по-настоящему. Элин сразу взбодрилась и, повернувшись к подруге глазами, полными надежды, спросила:

— Я помню, Эмма всегда ко мне хорошо относилась. Думаешь, она поймёт?

Отец Миранды погиб очень нелепо и грустно. Ему несколько лет удавалось изменять Эмме, маме Миранды, с

какой-то коллегой. Он часто захаживал к ней после работы под предлогом рабочих дел. В один из таких вечеров, во время близости, ему стало плохо: сначала резкая боль в груди, потом нехватка воздуха, пот, слабость. Любовница запаниковала, но он даже в этот момент думал не о помощи и не о том, как выжить, а о том, как не быть найденным у неё дома.

Он вскочил, натянул на себя только часть одежды, схватил линк и выбежал наружу, решив, что до медпункта всего несколько минут и он успеет дойти сам. Её дом тогда располагался совсем рядом с модулем диагностики и оказания медицинской помощи. Но, увы, он не успел. Приступ накрыл его прямо на улице, буквально в нескольких десятках метров от входа в модуль, и там же он умер — полуодетый, с перекошенным воротом рубашки и сбившимся дыханием.

Его вещи — куртка, браслет, часть одежды, бумажник — остались в квартире любовницы, поэтому Эмма узнала всё очень быстро. Миранде тогда было четырнадцать. Она всё понимала, старалась поддерживать мать, но Эмма не плакала, не горевала — она спокойно отпустила своего мужа и продолжила заботиться о дочери. Она всегда была стойкой и смелой, чуткой и справедливой. Элин она принимала почти как родную дочь и очень поддерживала их дружбу с Мирандой.

Элин медленно прислонилась спиной к стене; гладкая поверхность холодила лопатки даже сквозь ткань рубашки.

— Даже если она согласится, вдруг у неё не получится

вызвать Кайла к себе? — спросила Элин.

— Тогда придётся ждать до послезавтрашнего собрания и нервно грызть пальцы. Но это всё равно лучше, чем если ты сейчас сорвёшься и сделаешь что-нибудь, о чём потом будешь жалеть. — Миранда вдруг улыбнулась.

Элин закрыла глаза. Перед ней мгновенно всплыл Кайл: ямочки на щеках, возникающие при улыбке; мягкие тёплые губы, целующие её в ключицу; большие нежные ладони, накрывающие лицо и дарящие спокойствие. Следом сознание сразу же переключилось на плохое: на этого парнишку Мэтью, на Осоку-3, на расстояние и боль утраты. Очередная мысль о том, что она может потерять Кайла, выдернула её из раздумий словно электрошоком.

— Хорошо, — сказала она наконец.

Миранда быстро кивнула и потянула Элин к боковой секции, к старшей смены, чтобы отпросить её в медблок.

— Тогда делаем всё аккуратно. Идём к миссис Милс, я говорю, что тебе плохо, нас отпускают в медблок, дальше — дело за мамой, — тараторила Миранда, не переставая тащить Элин за собой.

— Почему мне кажется, что тебе нравится этот план? С чего ты вообще взяла, что мы в силах что-то изменить?

— Потому что я знаю: настоящая любовь творит чудеса. А ты ещё и упёртая заноза — всё получится. Ну... и потому что я люблю тебя.

Старшая смены сидела за длинным обзорным столом в

боковой секции и разбирала входящие партии. Миниатюрная женщина лет шестидесяти, с круглыми очками, которые каким-то волшебным образом держались на переносице и не имели дужек, со стороны казалась строгой и чёткой во всех своих действиях. Но на деле миссис Милс была очень приветливой, немного неуклюжей и доброй до невозможности. Серебристые пряди выбивались из длинной косы, а сама она грызла кончик карандаша и шептала что-то себе под нос. Она частенько приносила на работу булочки с маком и угощала девушек. Бог не дал им с мужем детей, поэтому отношения с Элин и Мирандой у неё были скорее тёплые, родительские, чем отношения вышестоящего лица и подчинённых.

Миранда бесцеремонно ворвалась к Дакоте Милс и начала спектакль:

— Миссис Милс! Миссис Милс! У Элин, кажется, упало давление, её мутит, она побледнела прямо на рабочем месте, еле на ногах стоит. Господи, я так беспокоюсь, не знаю, что делать!

Миссис Милс буквально подскочила на месте от неожиданности, выронив карандаш. Она посмотрела на Миранду с округлившимися глазами, а потом перевела взгляд на Элин. Та стояла в дверях, держась за косяк и пошатываясь, всем своим видом показывая, как ей плохо.

— Боже, девушки, вы напугали меня. Что же вы стоите? Нужно вести Элин к твоей маме, Миранда. Справитесь са-

ми? — заговорила Дакота.

Миранда быстро закивала и, поблагодарив старшую сменную, пулей вылетела из кабинета, утащив за собой захворавшую подругу.

До Медико-биометрического управления от Архива было рукой подать, если идти по дорожке мимо исследовательского водоёма и двух низких корпусов с матовыми фасадами, где размещались вспомогательные службы. Вода тянулась рядом весь путь — тёмная, с лёгкой рябью. От неё поднималась прохлада, пахло мокрым камнем, солью и чем-то едва уловимо металлическим.

Миранда всю дорогу успокаивала Элин рассказами о том, как всё будет хорошо, и просила взять себя в руки. Нужно им здание показалось не сразу: сначала — белая линия фасада между деревьями, затем длинные полосы матового стекла, за которым происходящее никогда не просачивалось наружу, а потом и всё здание целиком. Оно вытягивалось вдоль пояса кластеров жилой зоны Ива, за которым виднелся Прибрежный Экологический Сектор.

Наконец девушки подошли к входным дверям здания, которое всегда казалось Элин слишком закрытым при всей своей внешней прозрачности: белое, без лишних архитектурных жестов, с мягкими закруглёнными линиями и окнами. Воздух внутри был чище и суше, чем где бы то ни было в городе; свет лился ровно, без теней; полы были гладкие, светло-серые; вдоль стен шли тонкие линии встроенной под-

светки. Иногда Элин думала о том, что даже сквозь время люди смогли сохранить атмосферу привычных больниц.

Эмма работала на третьем уровне, в модуле первичной биометрической диагностики и нейроповеденческого сопровождения. Она занимала одну из главных должностей — на старый лад её называли бы главврачом. Элин нравилось думать обо всём в таком ключе: как бы это называлось и применялось раньше. Этот интерес питала работа в Архиве.

Миранда приложила браслет к промежуточной рамке, вызвала мать через внутреннюю линию, и через минуту дверь ушла в сторону, а девушек пропустили внутрь. Эмма спустилась совсем скоро, оглядела дочь и, с прищуром переведя взгляд на Элин, спросила:

— Что случилось, девочки? Наблюдаю очень заговорщическое лицо дочери и очень бледное лицо Элин.

Элин заметила, что Эмма будто не постарела с годами, но манера одеваться и укладывать волосы изменилась. Раньше Эмма носила пышные укладки и яркие рабочие наряды, сейчас же картина выглядела иначе. Волосы были собраны в строгий пучок, несколько прядей уже выбились у висков. На ней был светлый комбинезон — не белый, скорее молочный с серым отливом; на запястье поблёскивал диагностический браслет. Она стояла, скрестив руки на груди, и выжидающе смотрела на неожиданных гостей.

Миранда закусил губу, всем видом показывая важность их прибытия, и рассказала о болезненном самочувствии

Элин. Эмма ещё раз внимательно посмотрела на Миранду, потом на Элин и, пожав плечами, пригласила их следовать за ней, добавив что-то вроде: «Не можем же мы бросить Эл в таком состоянии».

— Заходите, — сказала она, открывая дверь в свой кабинет, к которому они поднимались в полном молчании.

Кабинет оказался удивительно тёплым на вид и значительно отличался от всего остального здания. Большое окно выходило во внутренний сад: тонкий ручей, серые камни, низкие травы, рассеянный свет. У окна стоял большой стол с рабочей канцелярией и памятными вещицами. Эмма проводила на работе много времени, поэтому ей важно было создать вокруг себя максимально комфортное пространство. У стены стояли диагностическая капсула, кресло для первичного осмотра, капельная стойка и встроенная рабочая панель. Кабинет был выдержан в тёплых молочных и бледно-зелёных оттенках, вперемешку с холодным белым деревом, а среди всякого хлама на подоконнике стояла тёмная деревянная шкатулка — старая, с потёртой крышкой. Элин невольно задержала на ней взгляд.

— У всех есть прошлое, о котором хочется помнить, — сказала Эмма с улыбкой. — Мне десять лет повторяют, что она не вписывается в интерьер моего кабинета. Теперь рассказывайте, зачем пришли. Я вижу, что ты бледная, Элин, но не думаю, что с тобой действительно случилось что-то, требующее срочной медицинской помощи. А ещё я знаю, как

выглядит моя дочь, когда что-то задумала.

Она указала Элин на кресло, а Миранду попросила закрыть дверь. Когда дверь закрылась, кабинет стал ещё тише, и Элин начало казаться, что в этой звенящей тишине она слышит собственное сердце.

— Ну? — снова обратилась Эмма. — И лучше сразу правду. У меня мало времени, а фантазия у вас обеих, я знаю, богатая.

— Это я её сюда потащила, — сказала Миранда. — Нам нужна твоя помощь. Это вопрос жизни и смерти, мам. Пожалуйста.

— Милая, у меня нет времени на глупости. Рассказывайте, что произошло, и я подумаю, чем могу вам помочь.

Элин опустила взгляд на свои руки. Её вдруг охватила необъятная тоска, словно всё задуманное было бессмысленным. Эмма, заметив это, поджала губы и на несколько секунд погрузилась в раздумья. Она увидела знакомый взгляд — взгляд угасающей надежды, но не обыкновенной, а надежды на любовь. И в тот момент, когда Эмма это осознала и уже хотела задать вопрос, Элин заговорила сама:

— Мне назначили пару, — произнесла она почти шёпотом.

Эмма кивнула, будто уже знала, о чём пойдёт речь. Присев на стул рядом с Элин, она осторожно взяла её за руку и посмотрела мягко, словно показывая: ей можно доверять, она здесь, чтобы поддержать.

— Из Осоки-3. Его зовут Мэтью.

Тишина в кабинете стала плотнее.

— И это не главная проблема... — тихо сказала Эмма, не вопросительно, а утвердительно, словно всё поняла сама.

Элин подняла глаза и устало кивнула.

— Я люблю Кайла.

Слёзы полились сами собой. Всё скопившееся напряжение разом обрушилось на Элин и будто повалило её с ног.

Рыдающая девушка начала рассказывать все подробности, которые могла вспомнить. Глаза Эммы, проникшейся рассказом Элин, наполнились слезами, но она не дала им хода — словно приказала закатиться обратно. Миранда стояла в стороне и наблюдала за душераздирающим монологом подруги, периодически поглядывая на реакцию матери. Эмма встала со стула, продолжая слушать, медленно подошла к столу, опёрлась ладонями о край, потом склонила голову, прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Затем задала ряд уточняющих вопросов и, качнув головой, приложила руку ко рту, с сочувствием глядя на девчонку, которую знала с пелёнок.

— Я не упрекаю, — сказала Эмма. — Но чем я могу помочь? Один только факт, что я теперь знаю это, уже подвергает меня опасности. Можно просто дождаться дня собрания, поговорить там. За эти дни ничего не произойдёт.

Миранда тут же подключилась к разговору, и после пятиминутного бурного обсуждения их плана Эмма поняла, что сильная тревога не даст девушке даже спать и, посмотрев на

Элин, очень серьёзно сказала:

— Ты понимаешь, о чём меня просишь?

Прямого ответа не последовало — только взгляд, молящий о помощи.

— Хорошо.

— Хорошо? — удивлённо спросила Миранда. — То есть... ну, прям хорошо?

— В молодости я любила одного человека, — произнесла Эмма, проигнорировав удивление дочери.

Миранда подняла одну бровь, готовясь к тому, что ей предстоит услышать.

— Его звали Нейл. Мы работали рядом, совсем недолго, пока система не определила его в другое место. И вместе мы были тоже совсем недолго. И не так смело, как вы, похоже. Мы даже за руки толком не держались. Всё берегли что-то — то время, то приличия, то иллюзию, что, если не назвать чувство вслух, оно станет менее опасным. — Эмма тяжело вздохнула, обернувшись на шкатулку. — Он подарил мне её в день, когда система определила нам пары.

На секунду Эмма умолкла, потирая плечо и не переставая смотреть на шкатулку.

— А что было потом, мам? — Миранда взволнованно глянула на подругу.

— Он создал семью с другой женщиной. Хорошей женщиной, я правда так думаю. У них теперь дети. Иногда я вижу их на улице. Он идёт рядом с ней, несёт младшего на ру-

ках или держит старшую за плечо, и мы с ним смотрим друг на друга так, будто когда-то были знакомы слишком близко, а теперь не имеем права даже на кивок. Мы никогда не здороваемся. А она... Она видит и всё понимает, но молчит, отворачивается и делает вид, что не заметила. Ладно. — Эмма смахнула слезу, которой всё же удалось вырваться. — Вдруг нас и сейчас кто-то услышит. Чего грустить о том, что невозможно?

Она резко развернулась к Миранде. Та молча уставилась на мать и хлопала глазами от такой откровенности.

— И после каждой такой встречи мне нужно несколько часов, чтобы снова вспомнить, как дышать. Этого ответа тебе достаточно? Давайте не будем тратить время зря. Я помогу. Сделаю всё, что в моих силах.

Навеванные воспоминания, видимо, дали ей какой-то стимул к участию. Возможно, Эмма думала, что сможет помочь чужому счастью, если не сложилось её собственное. Она включила рабочую панель и принялась вносить какие-то данные в лист пациента.

— Миранда, ставь Элин поддерживающую капельницу. Лёгкую: витамины, микроэлементы, восстановительный пакет. Мне нужен официальный повод подержать её здесь и выиграть время.

— Не зря я частенько проводила с тобой здесь летние деньки, — пробормотала Миранда, направляясь к шкафу с нужными принадлежностями.

— Я ничего не понимаю. Как мы сделаем так, чтобы Кайл приехал сюда? — спросила Элин.

Эмма уже открывала служебную форму.

— А я сейчас очень вовремя заинтересуюсь возможным вирусным заражением в одной диагностической бригаде. А это, милая, требует срочной диагностики. Мы же не хотим сгубить весь их модуль.

Она подняла на Элин глаза, подмигнула и вернулась к манипуляциям.

— На прошлой неделе Кайл и его группа работали в Прибрежном Экологическом Секторе?

— Да... Вроде... А что?

— Отлично. Значит, сегодня выяснится, что там после серии исследований обнаружился сомнительный биологический след. Ничего смертельного, но достаточно опасный вирус для того, чтобы срочно вызвать бригаду на первичный осмотр.

— Мам, а где...

— Не мешай мне, — перебила Миранду Эмма. — Я совершаю медицинское злоупотребление в интересах любви. Это требует сосредоточенности.

Миранда фыркнула, но тут же расплылась в улыбке, осознавая, как ей повезло с мамой. Когда запрос на срочный вызов был отправлен, а Элин немного отдохнула под витаминной капельницей, Эмма заварила чай и, напоив девчонку, отправила Миранду обратно на работу с электронной

ведомостью, которую нужно было передать миссис Милс. В ней указывались причина плохого самочувствия Элин, способ лечения и срок, на который ей разрешалось отойти от рабочих и любых других дел ради отдыха и восстановления.

Потом Эмма попросила Элин тихо посидеть в кабинете и подождать. Из модуля, где работал Кайл, пришёл ответ: бригаду направили к медблоку. Эмма дважды выходила, возвращалась, говорила по внутренней линии, делала отметки в панели, проверяла график. По её лицу нельзя было понять ничего — она была очень сосредоточена, словно вовсе забыла, в чём участвует. Только один раз, когда Эмма повернулась к окну, Элин заметила, как она на секунду закрыла глаза и коснулась пальцами переносицы.

В ту же секунду раздался звонок по внутренней линии. Эмму просили спуститься и встретить прибывшую бригаду.

— Всё, собирайся с мыслями и держи себя в руках. Я не всесильна, Эл. Я только делаю вам небольшую щель в стене. Пролезете вы в неё или нет — зависит уже от вас. Я смогу оставить вас наедине минут на десять, пока уведу остальных на осмотр в другой кабинет под предлогом, что капсула здесь не работает.

От этих слов в груди всё провалилось ещё ниже. Но назад пути уже не было. Элин кивнула, поблагодарила Эмму за помощь, проводила её взглядом и осталась одна в глухой тишине кабинета.

На столе стояла чашка чая. Руки предательски дрожа-

ли, поэтому сделать глоток, не пролив ни капли, не вышло. Вскоре за дверью послышались шаги, потом до Элин донеслись мужские голоса и смех Эммы.

Дверь открылась. Сначала на пороге показались двое незнакомых мужчин: один светловолосый, молодой и высокий, второй пониже, лет на десять старше, с угольно-тёмными волосами. Элин расположилась на стуле в углу кабинета так, что вошедшим она не сразу попала на глаза. Эмма вошла следом, продолжая объяснять что-то о возможном вирусе идущим сзади. За ней вошли ещё двое, а за ними — Кайл.

Кайл, в отличие от остальных, сразу увидел Элин. Даже запнулся на входе, едва не споткнувшись. Он постарался сделать вид, что не придавал значения её присутствию, но бегающие глаза выдавали его. Пока Эмма что-то объясняла всем, построив их в одну линию, Кайл вновь устремил взгляд на Элин. Он прошёлся по ней медленно, нежно, словно лаская. Заметив взволнованное выражение лица возлюбленной, он сразу понял: что-то не так.

Эмма говорила с его коллегами профессионально, спокойно и даже как-то безразлично:

— Первичный биоскрининг. Стандартный протокол после возможного заражения. Мы быстро осмотрим вас и отпустим. У меня капсула временно неисправна, поэтому мы пойдём в кабинет доктора Шу. Хорошая новость в том, что там стоит целых четыре капсулы, и все рабочие. Рид, жди здесь, я вернусь за тобой.

Она бросила строгий взгляд на Кайла и поторопила остальных на выход.

Как только дверь в кабинет закрылась, двое возлюбленных кинулись друг к другу в объятия. Кайл несколько секунд прижимал Элин к себе, потом слегка отстранился, взял её лицо в ладони, внимательно осмотрел и прильнул к её губам. Долгий, влажный и желанный поцелуй сбросил с Элин всё напряжение от переживаний и тут же взрастил новое — от желания. Она прижалась к Кайлу всем телом и, переплетая свой язык с его, думала только о том, как соскучилась.

Спустя пару минут жадных поцелуев они наконец смогли оторваться друг от друга, и Элин снова накрыла тревога.

— Я так скучал, боже. Думал, смогу это сделать не раньше послезавтра, — тихо сказал Кайл, переводя дыхание, и прижался лбом к её лбу.

От него пахло свежим воздухом после дождя и чем-то очень знакомым — неуловимым, но настолько своим, что у Элин на секунду подогнулись колени. Кайл подхватил её, усадил на край стола и встал между её ног. Убрав прядь волос ей за ухо, он ласково спросил:

— Что тебя беспокоит, ягодка?

— Мне закрепили пару, — сказала она без попыток подвести к этому аккуратно.

Кайл замер, приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать, потом проморгался и усмехнулся, но в его усмешке была грусть.

— Я понял, что ты не просто так здесь. Да и насчёт вируса

— сомнительное заявление.

— Его зовут Мэтью. Из Осоки-3, — продолжила Элин дрожащим голосом, будто не заметив ответа Кайла. — Меня переведут. Кайл, я уеду, и мы с тобой не сможем видеться. А тебе потом назначат кого-нибудь.

Только после этого Кайл сделал медленный вдох.

— Осока-3, — повторил он, как будто проверял, действительно ли это слово существует.

— Люк узнал это по предварительным спискам.

Кайл на секунду опустил голову, уткнувшись в плечо Элин.

— Я хотела дождаться вечера, но ты бы вернулся домой поздно, — сказала она. — Или хотя бы послезавтра, когда будет собрание. Мы бы поговорили там, пока родители будут заняты, но...

— Послезавтра назначено собрание? — перебил её Кайл.

— Уведомление ещё не приходило, но его обычно рассылают после обеда. Думаю, сегодня вечером тебе родители сообщат или завтра утром.

Уголок его рта дёрнулся, но это была не улыбка — скорее что-то очень усталое. Слезы вдруг снова полились из глаз Элин. Она обхватила Кайла руками и начала шептать ему в ухо:

— Я не могу, не могу, не могу. Не могу закончить всё вот так, не могу уехать, не могу без тебя. Я люблю тебя.

— И я люблю тебя всем сердцем. Дай мне минуту подумать. Дай подумать, ягодка! — Кайл прижал её к себе сильнее и начал поглаживать по затылку, стараясь успокоить.

— Кайл... — всхлипывая, произнесла Элин.

Он поднял руку, осторожно коснулся большим пальцем её губ, провёл в сторону, слегка оттянув нижнюю губу, а затем поцеловал в это место со словами:

— Люблю то, как ты произносишь моё имя.

Элин выдавила слабую улыбку, смахивая слёзы.

— Хорошо, — продолжил Кайл. — Мы знали, что когда-нибудь этот момент наступит. Хорошо, что никто не знает о нас, кроме, как я понял, Эммы и Миранды. Мы что-нибудь придумаем.

— Что в этом хорошего? Нам назначат других людей, и через три месяца мы станем друг другу никем.

— Это невозможно, ягодка. Мы всегда будем друг для друга особенными. Мы найдём способ быть вместе, даже если он будет безумен. Я придумаю, что можно сделать, а пока нам нужно постараться сохранять спокойствие и продолжать делать вид, что мы просто соседи. От этого зависит успех задуманного. Мы обязательно всё решим.

Она вцепилась пальцами в край его куртки.

— Я не знаю, что делать. Как ты можешь так спокойно рассуждать об этом? Почему всегда, когда я в панике, ты такой спокойный?

Он посмотрел на неё очень нежно, с тёплой улыбкой.

— Потому что я должен быть тем, кто тебя успокоит, а не тем, кто посеет ещё большую панику.

Кайл нежно чмокнул Элин в макушку и снова прижал её к себе. Она понимала, что он прав: паникой делу не поможешь. Нужно было придумать хороший план. Примерно полгода назад они начали обговаривать возможные варианты на случай, если всё случится именно так, как в итоге и случилось. Кайл потихоньку добывал архивные материалы по старым закрытым проходам, ведущим из Конкордии, запоминал маршруты, камеры, графики, все мелочи, а Элин незаметно выискивала информацию о жизни за пределами города. Мысль о том, что придётся покинуть дом и родных, ужасно пугала их обоих, но ещё больше пугала возможная участь стать одними из «пропавших» или прожить всю жизнь без любимого человека. Готового плана не было, но были наработки. Оставалось только продумать всё как следует.

— Мы справимся, Эл. Главное, что мы есть друг у друга. Я знаю, ты сможешь делать вид, что всё так же, как и прежде. А потом мы что-нибудь обязательно придумаем, и всё будет хорошо. На днях я столкнулся с одним человеком, который когда-то работал у нас в модуле. Он стар и давно не работает, но возвращался по каким-то вопросам. У нас завязался интересный разговор. Я расскажу тебе позже, когда будет больше времени. Возможно, я знаю, что нам поможет. Ну или бредни старика сведут нас в могилу раньше срока.

После этих слов он притянул её к себе, не давая ответить.

Их губы снова слились в поцелуе. Кайл то и дело спускался по шее Элин к ключице, проводя языком по мочке уха и нашёптывая, как любит её. Она почувствовала резкий прилив возбуждения, всё тело просило его. У них с Кайлом ещё не случилось заветной близости — всё не было подходящего времени, чтобы никуда не торопиться. Но ласк было предостаточно, чтобы сходить с ума от мысли, что дальше будет только лучше.

Как быстротечно было время, не дающее даже шанса подольше насладиться происходящим. Полностью увязнув в своих чувствах, Кайл и Элин даже не заметили, как открылась дверь и в кабинет быстро шагнул силуэт. Он остановился в дверях и молча наблюдал за происходящим: за тем, как языки обезумевших сплетались воедино, а руки не находили себе места.

Резко прозвучал строгий голос:

— Вы что, совсем с ума сошли?

Они отпрянули друг от друга слишком поздно. Первые несколько секунд все трое смотрели друг на друга беззвучно, просто моргая. Перед Кайлом и Элин в дверях стоял Льюис Рид собственной персоной — с растрепавшимися волосами, по которым можно было сказать, что он очень торопился сюда.

Отец Кайла работал в Службе пространственного допуска, в здании совершенно глухом и не привлекающем внимания: низком, вытянутом, с тяжёлыми стенами светло-се-

рого цвета, редкими тёмными вставками и очень длинным навесом у входа. Через Службу пространственного допуска предоставлялось право двигаться по городу: доступ в жилые кластеры, в закрытые зоны, на рабочие маршруты, на внутренние линии. Там отслеживали пересечения, повторы, отклонения в траекториях, маркировали нестабильных субъектов.

— Отец, пожалуйста, только дай возможность всё объяснить, — почти не шевеля губами, произнёс Кайл, делая шаг вперёд.

Льюис лишь тяжело вздохнул и покачал головой, а затем схватил сына за куртку и притянул к себе.

— Отец...

— Ты хоть понимаешь, что вас могли увидеть? Мне не нужно ничего объяснять, я и так всё вижу. Какого чёрта вы вообще здесь делаете оба?

Элин бросило в ледяной пот. Первое, о чём она подумала: это точно конец. «Да, точно конец. Сейчас Льюис Рид выведет своего сына в коридор, потом доложит о нас куда надо, однозначно свалив всю вину на меня, меня отошлют, и я больше никогда его не увижу...» Она обняла себя руками и снова заплакала.

— Я торопился сюда узнать, что с моим сыном. Мне сказали, тебя срочно забрали, сказали про вирус. Мне нужно было разобраться, Кайл, — сказал Льюис, отпуская плечо сына. — Теперь потрудитесь объяснить, как вы это провернули. Это

она тебя надоумила? — Он зло кивнул в сторону Элин.

Кайл выпрямился, сжал руки в кулаки и медленно набрал воздух в лёгкие. Таким Элин видела его впервые. Обычно он был спокойным и оптимистичным, даже если случалось что-то незапланированное и печальное. В груди застучало сильнее.

— Не говори о ней в таком тоне, отец.

— А то что? — явно рассерженный Льюис Рид уже сделал шаг к Кайлу, тоже сжимая кулаки.

— А то мне будет очень больно, потому что я люблю её. И тебя люблю. Мне важно, чтобы ты понял и не навредил ей. Не навредил нам.

Неожиданно для себя самого Льюис разжал руки и застыл на месте. Ожидал ли он, что сын скажет именно эти слова? Нет. Он ждал, что Кайл, как подобает юному и глупому мальчишке, кинется драться, кричать и выяснять отношения. Льюис не спеша поднял руку, завёл её за голову и почесал затылок, с удивлением глядя на попавшихся нарушителей.

В этот момент в кабинет ворвалась Эмма, напевавшая себе что-то под нос.

— Бог ты мой... — С этими словами она на пару секунд застыла на пороге. — Не день, а сплошной аттракцион.

Она хмуро оглядела всех находившихся внутри, а затем сказала:

— Рид... Кайл Рид, всех твоих я отправила обратно. Всё

чисто, ничего не обнаружено. А что, прости, здесь делает твой папаша? — Эмма уставилась на Льюиса, уперев руки в бока.

— Ты! Ты знала? — тихо и чётко, выговаривая каждую букву, произнёс Льюис, поворачиваясь к Эмме. — Это ты всё устроила? Боги, зачем? Если тебе плевать на себя и свою дочь, подумай о моей семье. Что теперь делать?

Эмма вздохнула, потёрла переносицу и, обращаясь к Элин, сказала:

— Я поговорю со старым приятелем. А вам сейчас стоит очень неподозрительно выйти отсюда, но по очереди. Один — на работу, другая — домой отдыхать.

Неожиданно собравшаяся компания со стороны выглядела весьма нелепо: перепуганная Элин, озадаченный Кайл, рассерженный Льюис и взбалмошная Эмма. Эти четверо, словно герои из разных сказок, пытались вписаться в единую картину.

Элин изумлённо захлопала глазами, переводя взгляд на Кайла. Он взял её за руку и начал поглаживать по спине, вопросительно уставившись на Эмму с отцом, будто ждал дальнейших инструкций.

Та в свою очередь указала им обоим на дверь, приглашая выйти, но Элин не смогла заставить себя сдвинуться с места. Ноги будто приросли к полу, и ей вдруг стало страшно от осознания: стоит сейчас шагнуть за дверь — и всё, что только что случилось в этом кабинете, уже нельзя будет от-

менить; оно станет окончательно реальным. От этих мыслей внутри похолодело.

Тогда Льюис перевёл взгляд с Эммы на Элин. В этом взгляде не было ни вспышки ярости, ни грубого осуждения, ни злости, ни даже сочувствия. Только тяжесть. Глухая, давящая, почти изматывающая.

— До послезавтрашнего полудня, — сказал он тихо, но так чётко, что каждое слово легло в воздух отдельно, — вы ничего не делаете. Ни шага, ни записки, ни попытки увидаться. Вообще ничего. Если вы оба хотя бы примерно понимаете, насколько всё плохо, просто доживите молча до собрания.

Элин не сразу поняла, что всё это время держала Кайла за руку так крепко, будто только это удерживало её от падения. Его пальцы едва заметно сжали её ладонь в ответ — буквально на секунду, а потом разжались.

Элин вдруг осознала: Льюис знает о собрании. Значит, их уже пригласили. И, возможно, за то короткое время, что она провела здесь, Кайлу даже выбрали предварительную пару, несмотря на незавершённые тесты.

В ту же секунду у неё в кармане коротко завибрировал линк. От неожиданности она вздрогнула всем телом, словно звук пришёлся не в карман, а прямо под рёбра. Следом такой же сухой, короткий сигнал прозвучал у Кайла. Все устремили взгляды на карманы, издавшие звуки, и напряжение стало ещё плотнее.

Элин медленно опустила руку в карман и достала линк. То же проделал Кайл. Уведомления уже раскрылись на экране: *«Семьям участников текущего цикла Церемонии сопряжения надлежит явиться на обязательное собрание послезавтра, 31.08.2126 г., в 12:00».*

Буквы вдруг поплыли, будто экран на мгновение покрылся водой. Элин попыталась протереть глаза, на которых солью застыли слёзы. Она подняла на Кайла полный разочарования взгляд и, нервно прикусив губу, снова взяла его за руку.

— Началось... — сказал он.

И после этого слова в комнате стало невыносимо тихо. Вся эта тишина буквально придавливала к полу.

***

Элин переворачивалась с боку на бок, то и дело вставая к окну и выглядывая, не вернулся ли Кайл с дополнительной смены. За окном уже давно стемнело, небо было усыпано яркими звёздами. Уснуть не получалось. Она всё терзала себя мыслями о том, что теперь будет. О чём говорили Эмма и отец Кайла? Как ей вести себя на собрании? Что Льюис решит делать с сыном? Расскажет ли жене или ещё кому-то? Узнает ли кто-нибудь о случившемся?

Целая вереница вопросов не давала Элин сомкнуть глаз. Ей предстояло пережить ещё полтора дня, прежде чем хоть что-то прояснится.

Глава 3.

Ночь не прошла, а разделилась на неровные, тяжёлые куски, отличающиеся друг от друга лишь степенью мучения. Элин то натягивала одеяло до самого подбородка, потому что вдруг становилось зябко, то резко отбрасывала его в сторону, когда начинало душить жаром. Переворачивалась с боку на бок, закрывала глаза, открывала снова, слушала дом: почти неслышное гудение климатического блока где-то внизу, шорохи Лиры, которая во сне перебирала лапами по ковру, словно бежала за кем-то в своём собачьем сне.

И стоило Элин только задремать, как всё возвращалось разом: кабинет Эммы, поцелуи Кайла, дверь, которая открылась не вовремя, разгневанный Льюис на пороге и страшная строчка на экране линка.

Элин вздохнула, снова откинула одеяло, уселась на кровати, прижавшись спиной к стене. Перед глазами оказалось окно, а за ним — непроглядная ночь.

«Легче было бы приказать себе не дышать», — подумала она.

Под утро, когда за окном начало медленно светать, Элин перестала даже пытаться уснуть. Лежала на спине, смотрела в потолок и думала, думала, думала... Лира, будто почувствовав, что хозяйка не спит, запрыгнула на кровать и осторожно улеглась поперёк её ног. Элин опустила ладонь ей на

спину и несколько секунд просто чувствовала под рукой ровное, спокойное дыхание. От него стало чуть легче. Она чмокнула любимицу в макушку, потрепала за ухо и встала с постели.

Комната была той же, что и всегда. Ещё вчера всё это казалось ей маленьким собственным миром — живым, скрытым, хранящим свою тайну. Сегодня вещи будто стали чужими, а мир вокруг — менее красочным.

Сил и настроения возиться с образом не было. Элин сходила в ванную, приняла душ, почистила зубы, закрепила пряди заколкой и натянула просторный свитер и свободные брюки.

Всё детство она проходила с длинной косой. Томасу казалось, что длинные волосы очень её украшают, но, когда Элин исполнилось пятнадцать, она решила: настало время короткой стрижки. Волосы у неё были густыми и доходили до середины шеи. Красотой Элин пошла в мать: при хорошем освещении на её русых волосах можно было заметить красивый медный отлив. Сама она не считала себя красавицей, но с этим не соглашались парни, оборачивавшиеся на улице, когда девушка проходила мимо. Её глаза цветом были ближе к малахиту, нос — тонкий, курносый, слегка вздёрнутый. Россыпь веснушек украшала щёки, а пухлые губы бантиком идеально дополняли это почти кукольное лицо.

Она всё-таки подошла к окну. Во дворе было тихо. Дом напротив стоял в бледном утреннем свете — тот же фасад, та

же зелень, та же узкая дорожка у стены. Шторы в окне Кайла были раздвинуты не до конца, свет внутри не горел.

«Должно быть, они уже уехали на день рождения родственницы», — успокоила себя Элин, не обнаружив никаких признаков Кайла в окне.

Утопая в раздумьях, она медленно спустилась к завтраку.

На кухне пахло тёплым хлебом и рисовой кашей с черешней. Томас уже сидел за столом со своей рабочей панелью, Алисия наливала чай. Они оба о чём-то говорили — кажется, о работе, о делах, о завтрашнем собрании, но слова пролетали мимо Элин, как сорвавшийся сквозняк. Она села, взяла ложку, даже что-то съела, но, если бы её потом спросили, о чём шёл разговор и что было в тарелке, она бы не ответила.

Дальше всё было как обычно: Томас ушёл пораньше, Элин с мамой дошли до работы. Вся дорога прошла как в тумане. Только уже у входной платформы, когда под ногами отозвалась знакомая гладкая поверхность и от воды потянуло прохладой, Элин вдруг поняла, что они пришли.

Архив встретил её как всегда: сухим бумажным запахом, прохладным воздухом, ровным светом без резкости и тихим шорохом воспоминаний, аккуратно разложенных по коробкам и лоткам. Миранда уже была в модуле. Стояла у стола и раскладывала карточки по секциям так быстро, будто пыталась навести порядок не только на рабочей поверхности, но и у себя в голове. Увидев Элин, она сразу отложила всё

в сторону.

— Ну? — спросила она, подбегая к подруге, даже не поздоровавшись. — Как ты? Как прошло? Я не успела вчера увидеться с мамой.

— А? — Элин с усилием вытолкнула себя из своих мыслей и уставилась на подругу.

— Отлично. Значит, ты окончательно сошла с ума. Прямо-таки вторая мисс Рут! — Миранда засмеялась. — Эл, приём, как меня слышно?

Элин сняла куртку, повесила её на спинку стула и, покусав левую щёку, ответила:

— Прости, у меня была бессонная ночь. Я себе места не нахожу, никак не могу взять себя в руки.

— Ох. Значит, всё прошло не так, как мы планировали. — Миранда присела рядом. — Рассказывай.

Перед Элин лежала стопка писем, которые нужно было разобрать и сверить. Она взяла верхнее, пробежалась глазами по первой строчке, но понять и запомнить ничего не смогла.

Миранда забрала у неё письмо и повторила настойчивее:

— Рассказывай.

Элин выдохнула — то ли от усталости, то ли от того, что рядом с Мирандой и правда становилось чуть легче.

— Я сказала ему, — начала она. — Про Мэтью, про Осоку, про собрание. Но тут внезапно пришёл его отец, и понеслось...

Элин подробно рассказала всё, что случилось вчера, поделилась тревогой о последствиях и попыталась выстроить догадки о том, о чём могла говорить Эмма с отцом Кайла.

— Ладно. Хорошо. Нет, это, конечно, не хорошо, но... Господи. — Миранда потёрла лоб, дослушав всё до конца. — Сказал до послезавтрашнего полудня ничего не делать. Угу. Интересно, что он сам собирается делать. — Она погладила Элин по плечу. — Не думаю, что всё совсем плохо. Во-первых, моя мама кого хочешь уболтает и убедит. Во-вторых, Льюис — милашка. Я помню, как в детстве смотрела на Кайла и тоже хотела себе такого отца. Думаю, он не навредит сыну.

— Сыну — нет. А мне может, — пожалала плечами Элин.

Миранда опёрлась ладонями о стол, почесала кончик носа и убрала линк подальше в карман.

— Мы вчера вечером говорили с Люком, — сказала она после короткой паузы. — Боюсь, мне придётся добавить в твою топку терзающих мыслей ещё порцию.

Элин вскинула брови и, вздохнув, жестом попросила продолжить.

— В этом году почему-то поменяли правила. После собрания сразу начнётся предварительная логистика: медицинские проверки, пересмотр жилых зон, рабочих модулей, приоритетных маршрутов. Ну, в общем, всё сделают очень быстро.

Элин с сомнением посмотрела на подругу. Эти новости

вряд ли могли расстроить её сильнее. Какая разница — днём позже или раньше повторно закрепят данные о её избраннице?

— И ещё, — добавила Миранда тише. — Он сказал, что рядом с вашими профилями стоит отметка нестабильности.

— Стоит что? Рядом с чьими профилями? — Элин начала понимать, что именно имела в виду Миранда, когда говорила о беспокойстве, и включилась в разговор заметно живее.

— С твоим и Кайла. Люк сказал, что такие отметки обычно не означают ничего хорошего, но чаще всего это просто баг, который сразу устраняют, — продолжала Миранда. — А тут почему-то не устранили. Да и что вообще они означают...

— Боже, Миранда, вдруг отец Кайла донёс на нас? Вдруг система готовит самый худший подарок? — Элин начала ёрзать на стуле. — Я даже представить не могу, что с нами сделают. Что сделают с ним... Как назло, он сегодня уехал с семьёй на день рождения в другую жилую зону, я даже не видела его с утра. Но нам и нельзя. Ничего нельзя. Так будет только хуже.

Девушки обсуждали новости до самого обеда. Элин работала машинально: раскладывала письма, сверяла подписи, отмечала ручные вмешательства, проверяла карточки, параллельно обмениваясь с Мирандой всё более мрачными предположениями и догадками.

В начале второй партии ей попала строка в чужом пись-

ме, написанном аккуратным, тонким почерком:

«Сегодня не случилось ничего, кроме ожидания, а оно, оказывается, утомляет сильнее любого несчастья...»

Элин перечитала эту фразу дважды и сразу отложила лист в сторону. Прикрыв глаза, она прогнала слова ещё несколько раз в голове. Как же тяжело ей сейчас было в молчаливом ожидании, без возможности разделить с Кайлом все чувства и мысли.

К обеду день не стал ни легче, ни яснее. Он просто тянулся — вязко и бесформенно, будто время и само не хотело двигаться к завтрашнему дню, но всё равно двигалось: нехотя и упрямо. Алисия заглянула в модуль с приглашением прогуляться во время обеда.

Миранда даже не подняла головы:

— Идите. Мне очень нужно закончить партию, а то снова получу от миссис Милс. Я пообедаю тут.

Элин с мамой вышли из Архива и пошли по дорожкам вдоль водоёма. Вода, не изменяя традициям, пускала рябь от ветра, а яркие листья у дальних деревьев шевелились, напевая какую-то свою мелодию. Некоторое время они шли молча. Алисия держала руки в карманах лёгкого жакета и смотрела вперёд. После резкого похолодания на днях погода снова вернулась в спокойное русло: температура слегка поднялась, а ласковое солнце приятно согревало, не давая проказливому ветру забраться за шиворот.

— Ты думаешь, я не вижу, что с тобой происходит? — на-

конец прервала молчание Алисия. — Или, может, думаешь, что я не пойму тебя?

Элин опустила глаза. Она чувствовала скопившуюся усталость — усталость, вызванную притворством. Говорить не хотелось, но оставлять в стороне эту тему, когда мама пытается заговорить о ней уже не первый раз, было бы глупо.

— Я думаю, ты видишь слишком много. Но можешь ли ты понять — мне не догадаться. Я не предполагаю, я слишком устала.

Они остановились у самого края водоёма, спустившись к нему с дорожки. У воды было гораздо прохладнее, Алисия поёжилась.

— Я не собираюсь вытаскивать из тебя слова силой, — сказала она. — Но одну вещь ты должна услышать. То, что с тобой происходит, — не стыдно.

Элин моргнула, внимательно ожидая, что последует за этими словами.

— Опасно — да. Больно — однозначно. Неудобно для всех вокруг — безусловно. Но не стыдно. Я не хочу, чтобы ты начала смотреть на себя их глазами. Не хочу, чтобы ты сама поверила, будто в тебе случилось что-то грязное или неправильное только потому, что это не вписывается в чужую схему.

У Элин защипало глаза. Она отвернулась к воде, попыталась сдержать рвущиеся наружу эмоции, но голос всё равно дрогнул:

— Мам...

Слова застряли комом в горле и не хотели идти дальше. Элин не могла поверить, что правильно расслышала маму. Быстро развернувшись, она кинулась в объятия Алисии и зарыдала навзрыд, а та мягко прижала к себе дочь и начала гладить её по голове. Нежный голос продолжил:

— Милая, послушай. И никому никогда не говори, что я сказала это тебе. В таком месте, как наше, очень легко перепутать безопасное с живым. Особенно если тебя с детства учили, что всё, что не поддаётся расчёту, опасно уже по одному факту своего существования. Но правильное и живое — не одно и то же. Ты не должна идти туда, где будешь несчастна. Иногда безопасность иллюзорна. К сожалению, мы все тут как в ловушке.

Элин слушала маму и не верила своим ушам, а слёзы тем временем лились ручьём. Она никогда бы не подумала, что живёт в одном доме с человеком, который не согласен с системой и верит в другой путь.

— Не говори ничего, детка. Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Знаю, как тебя пугает то, что уготовано. Но что, если я скажу тебе, что ты сама вольна выбирать, случится это или нет? Милая, я вижу, как вы с Кайлом смотрите друг на друга. И я ни за что не отобрала бы у своей дочери такое счастье. Наоборот, я готова отдать жизнь, чтобы твои глаза и дальше светились как звёздочки.

— Мама... Если бы я знала, я бы пришла к тебе раньше.

Боги, спасибо, что понимаешь меня. Мы вчера с Мирандой и её мамой провернули кое-что, чтобы я могла встретиться с Кайлом, — заговорила Элин, вынырнув из объятий и поспешно вытирая слёзы, — но потом появился Льюис, и всё пошло не так...

— Погоди. Эмма вам помогала? Отец Кайла? Давай по порядку, расскажи всё по порядку, — перебила дочь Алисия.

Элин вздохнула и принялась рассказывать всё с самого начала, а Алисия стояла и слушала, улавливая каждое слово. Они ещё немного постояли у водоёма и, обсудив произошедшее, двинулись обратно к Архиву. Алисия попросила дочь не принимать поспешных решений и пообещала подумать, чем помочь. Томаса они решили вообще не посвящать в это: он — истинное дитя системы, а его братец обязательно вставит свои пять копеек куда не надо.

У входа в Архив Алисия крепко обняла Элин и, поцеловав в щёку, сказала:

— Помни, я всегда с тобой. Заканчивай рабочий день спокойно. Я сегодня немного задержусь, встретимся дома за ужином. Я люблю тебя.

— И я тебя, мам. Спасибо. — Элин чмокнула маму в ответ и поспешила в свой модуль.

После прогулки внутри стало чуть легче. Мысли поутихли, появилась тяжёлая усталость, словно эмоциональный спад напомнил о предыдущей бессонной ночи. Вторая половина дня промчалась вихрем. Когда Элин прибиралась на

рабочем месте и прощалась с Мирандой, в коридоре мелькнула тёмная форма сотрудника Службы Пространственного Допуска. По спине сразу прошёл холодок, руки усыпало мурашками. Но он прошёл мимо, даже не задержавшись.

Элин выдохнула.

После смены она решила не идти домой сразу, а отправиться в место, которое всегда отвлекало и успокаивало её. Спустившись по пешеходной линии, она свернула в сектор развития.

Это место всегда немного выбивалось из общей гладкости Конкордии. Здесь всё ещё держались небольшие магазинчики, мастерские, крошечные студии — будто у города, выстроенного по линейке, всё же оставались углы, до которых система не дотянулась с полной охотой. Здания не соответствовали общему стилю и выглядели как вычурные пуговицы на строгой одежде.

Одним из любимых мест Элин был магазинчик мисс Рут. Там она всегда чувствовала себя в своей тарелке. Он был наполнен теплом и удивительными вещицами. Как только Элин переступала порог, вся серость Конкордии исчезала. Каждый раз, бывая там, она задавалась вопросом: почему люди отказались от всего этого? Почему убрали мелочи, которые заполняют пространство светом и наполняют жизнь смыслом?

Магазин Изи Рут стоял почти в самом конце улицы. Пока остальные здания Конкордии тянулись вверх светлыми глад-

кими фасадами, стеклом и аккуратно встроенной зеленью, дом Рут казался чем-то неуместным, словно уцелевшим из другого времени. Это был небольшой двухэтажный домик с покатой крышей, тёмными стенами и узкими окнами в деревянных рамах. Дерево на фасаде местами потемнело от сырости и ветра, местами его затянул тонкий плющ, который никто не спешил подравнивать до идеальной формы. У крыльца стояли тяжёлые глиняные кашпо с травами, цветами и какими-то странными вьющимися растениями, которых Элин никогда не видела в жилых модулях Вереска.

Над дверью висел маленький колокольчик, звеневший мягко и чуть старомодно, а рядом покачивалась вывеска, написанная от руки — неровно, красиво, с упрямым удовольствием.

Но больше всего Элин вдохновляло то, что Рут жила в этом доме. В Конкордии так не делал никто. Люди жили там, где указала система: в своих кластерах, в своих модулях, внутри уже рассчитанных связей, маршрутов и ритмов. Никому и в голову не приходило всерьёз думать, что можно поселиться отдельно. Но Рут, наверное, просто была исключением. По непонятным причинам ей это было разрешено; другим наверняка отказали бы.

Она жила на втором этаже, над магазином, одна, сама по себе, — и уже одного этого хватало, чтобы половина города называла её городской сумасшедшей. Люди говорили это не со зла, скорее с насмешкой и жадным любопытством. По ве-

черам на втором этаже загорался тёплый жёлтый свет — совсем не такой, как ровное системное освещение жилых модулей. Иногда окно наверху оставалось приоткрытым, и оттуда тянуло травами, корицей, воском или чем-то печёным. Иногда до улицы доносилась музыка — негромкая, странная, будто из тех времён, когда люди ещё были вольны выбирать сами.

Сама Рут была из тех женщин, на которых невозможно взглянуть мимоходом. В ней всё сразу цепляло взгляд: лицо — подвижное, живое, с тонкими морщинками у глаз, не стёртыми и не спрятанными; волосы — густые, волнистые, тёмно-русые, с выгоревшими прядями. Она то перехватывала их лентой, то кожаным шнурком, то просто кое-как закалывала. На солнце в них проступало золото, в ночи — почти пепел.

Одевалась Рут так, словно Конкордия для неё была просто местом, а не ориентиром выбора. Длинные свободные юбки, многослойные платья, старые жилеты с вышивкой, мягкие кардиганы, тонкие шарфы, серьги разной длины, кольца почти на каждом пальце, браслеты, тихо звеневшие при каждом движении руки. На ней всегда было много украшений, которые тоже отдавали мотивами давних времён, будто каждая подвеска, каждый камень, каждая потёртая ткань что-то значили — пусть даже только для неё самой.

Иногда она напоминала женщину с выцветшей фотографии, найденной в Архиве при разборе очередной партии,

иногда — гадалку из материалов, изученных следом. Одним словом, Изи Рут была необычной женщиной.

Особенно запоминались глаза — светлые, внимательные, слишком живые. Рут почти всегда выглядела спокойной, но её взгляд был цепким до неловкости. Она смотрела будто вглубь человека, в самую душу. От этого рядом с ней иногда становилось не по себе — словно она уже увидела в тебе что-то, что тебе самому ещё только предстоит разглядеть.

Говорила Рут тоже иначе, чем все вокруг. В Конкордии люди привыкли разговаривать ровно, по делу, не разбрасываясь лишними эпитетами. Изи, наоборот, словно выбирала слова, которые невозможно уложить в одну прямую линию. Часто говорила загадками — не потому, что хотела отличаться от остальных, а потому, что действительно так думала: налёками, слоями, странными связями. Могла сказать что-то смешное с совершенно серьёзным лицом, могла задать вопрос, после которого человек впадал в ступор и не понимал, откуда Рут владеет такой личной информацией. Могла оборвать разговор на полуслове, если чувствовала, что дальше собеседник должен дойти сам. И при всём этом в ней не было холодного высокомерия — наоборот, живое любопытство, тихая ирония и что-то очень заботливое, почти материнское, с искренним неподдельным интересом.

Магазин у неё был под стать хозяйке. Внутри пахло сухими травами, тёплой свежей выпечкой, воском, землёй после полива, старой бумагой, а иногда — цитрусом или дымом от

ароматической палочки. Свет был мягкий, желтоватый, собранный не потолочными полосами, а лампами в тканевых абажурах, свечами под стеклом, низкими бра у стен. Из-за этого казалось, будто время внутри течёт гораздо медленнее, чем снаружи.

Полки из натурального дерева были заставлены вещами, назначение которых не всегда можно было сразу угадать: стеклянными сосудами с мхом, сухими цветами, корнями и ветками; керамическими чашами странной формы; маленькими коробочками из дерева и металла; старыми рамками. В красивых шкафчиках с прозрачными дверцами стояли потёртые книги без системной маркировки, подставки с подвесками, камнями, лентами, колодами карт и какими-то бытовыми мелочами из прошлого, давно утратившими практическую ценность, но почему-то хранимыми с уважением.

У окна висели пучки высушенных трав, у дальней стены стоял длинный стол, на котором Рут то собирала букеты, то перебирала цепочки, то возилась с чем-то ещё. На одной полке мог лежать крошечный механический будильник, рядом — керамическая птичка, чуть дальше — коробка с потемневшими пуговицами, а под ней — серьги из стекла. В этом магазине совсем не чувствовалось товара, будто каждая вещь не продавалась, а ждала, когда кто-то её узнает.

А ещё Изи по вторникам, четвергам и пятницам пекла наивкуснейший хлеб и другую выпечку. Никто не понимал секрета её батонов и булочек, но каждый возвращался за ни-

ми снова. Элин чаще многих задумывалась об уникальности этого места и боялась даже предположить, почему Изи Рут разрешено так жить. Казалось, стоит подумать об этом слишком явно — и магазинчик сразу исчезнет, станет чем-то запретным, а больше никто никогда не съест на завтрак самый вкусный хлеб, намазав его джемом.

Интересным было и то, что Рут никогда ничего не навязывала и не пыталась продать. Она могла долго говорить с человеком о какой-нибудь подвеске, а потом махнуть рукой и сказать: «Не твоё. Твоё ещё не дошло». Или, наоборот, без предупреждения сунуть в ладонь сухой цветок, связку трав, стеклянный шарик или кулон в виде полумесяца и заявить, что иногда человеку нужна вещь раньше, чем он сам это поймёт.

В этом и была её особая, почти пугающая притягательность. Рут жила так, будто с самого начала знала: мир не сводится к тем белым линиям, которые нарисовала система. И, наверное, люди чувствовали это рядом с ней. Отсюда и прозвище. Так всегда проще — назвать человека сумасшедшим, чем признать, что в нём есть свобода, которой тебе самому не хватает.

Над дверью привычной ласковой мелодией тихо звякнул колокольчик. Изи Рут сидела за стойкой и перебирала браслеты. Никто не знал точно, сколько ей лет, но навскидку давали около сорока пяти. Рут подняла голову и улыбнулась Элин так, будто давно ждала её.

— Вот и лицо человека, которому нужны маковая булочка и передышка, — сказала она.

Элин невольно усмехнулась.

— У меня всё так плохо с лицом?

— Лицо чудесное, милое дитя. Просто не вовремя уставшее, неожиданно пришедшее, принёсшее тоску.

Элин попыталась переварить сказанное, но слова мисс Рут частенько не складывались в привычную логику. Рут отложила браслеты, встала и протянула Элин ароматную чашку чая, от которой поднимался пар.

— Я почему-то думала, что ты придёшь чуть позже. Он ещё не успел остыть.

— А откуда вы знали, что я приду? Хотя чего я спрашиваю, вы сейчас снова ответите мне как обычно: загадками, которые я не пойму. — Элин улыбнулась и забрала чашку. Она оглядела магазинчик в поисках каких-нибудь изменений, но ничего нового взглядом не нащупала.

— А я как раз нашла сегодня удивительную старую вещь, — сказала Рут таким тоном, будто это касалось Элин напрямую. — Настоящую диковину из прошлого. Хочешь посмотреть?

Не дожидаясь ответа, она достала из-под стойки потёртую коробку бордового цвета, усеянную мелкими звёздами.

— Что это? — спросила Элин.

— Карты Таро.

— Вы серьёзно? Я читала о них как-то в Архиве. Мне бы-

ло интересно изучить период расцвета гадания, деятельности фокусников и шарлатанства, связанного с магическими шарами, Таро и спиритическими практиками. Этот период пришёлся на вторую половину девятнадцатого века — начало двадцатого. Причин такой яркой вспышки было много, как пишется в материалах, но в итоге всё это разоблачили и доказали, что практики были ложными.

— Совершенно верно, всё это полная чушь, милая, — усмехнулась Рут. — Люди когда-то ужасно любили спрашивать у карт о будущем вместо того, чтобы спросить у себя.

Элин покачала головой.

— Я в такое не верю.

— И прекрасно, — сказала Рут. — Те, кто не верит, обычно вытягивают самые разговорчивые карты.

Она раскрыла коробку и протянула её Элин.

— Давай. Три карты. Не думай слишком долго. Самые важные вещи обычно и так уже лежат у человека в руке, ещё до того, как он понял это или спросил о них.

— Я правда в это не верю, — пробормотала Элин.

— Это даже лучше. Когда человек верит, часто он начинает спорить с тем, что видит. А когда не верит — доставляет мне меньше хлопот.

— Ну и в чём тогда смысл, если вас интересует только один результат? — с прищуром, улыбаясь, спросила Элин.

— Меня интересует? Милая, раз попросила тянуть карты, давай тяни. Чего время моё тратишь? И пей чай, он остынет.

Элин с изумлением посмотрела на собеседницу, не совсем поняв, как та так быстро «перевела стрелки», но всё-таки вытянула три карты и положила их на стол рубашкой вверх. На секунду ей стало неловко, будто она участвует в чём-то детском и нелепом.

Первую карту городская сумасшедшая перевернула медленно. На тёмном фоне высилась башня, рассечённая молнией. Из окон вырывался огонь, вниз летели люди, и весь рисунок был про внезапный конец чего-то, что ещё секунду назад казалось крепким.

— Башня, — тихо сказала Рут. — Ну да. Здесь всё честно. Она подняла глаза на Элин.

— Когда человеку кажется, что его мир стоит крепко, жизнь иногда бьёт именно в то место, на котором всё держится. Это не мелкая трещина, это слом, разрушение того, что больше не может оставаться прежним. Но это не трагичный конец, милая. Это возможность выбрать другой путь.

Элин ничего не сказала, только нервно оглядела карту и глотнула чай. Весь этот разговор начал казаться ей подозрительным, словно вскользь касался тех участков души, которые никому не были доступны.

Вторая карта легла рядом.

На ней человек в тёмном плаще стоял перед тремя опрокинутыми кубками. Два оставшихся были у него за спиной, но он на них не смотрел. Рут помрачнела.

— Пятёрка Кубков. Утрата, горечь, боль. Момент, когда

человеку кажется, что главное уже случилось — и случилось против него. Он смотрит только на то, что у него отняли, и не замечает, что не всё ещё разбито.

Элин опустила глаза на карту. Что-то в этой фигуре вдруг показалось страшно знакомым. Или тем, чем только станет.

Рут не торопясь перевернула третью карту. На рисунке была женщина внутри венка, а по углам — четыре фигуры. В этой карте не было ни ужаса, ни тревоги, только ощущение завершённого пути, круга, который всё-таки удалось пройти. Рут долго молчала, потом вдруг улыбнулась.

— Мир, — сказала она. — Хорошая карта. — Она положила пальцы на край стола. — После Башни и Пятёрки Кубков это означает не просто утешение. Это значит: пройти через разрушение, почти потерять нечто важное и всё-таки выйти на свет. Не невредимой, но целой. Это карта конца пути, который стоил слишком дорого.

Элин продолжала молчать и не понимала, как ей сейчас себя вести.

— Красиво звучит, — сказала она тихо, не зная, что ещё добавить. — Даже слишком.

— Карты редко заботятся о том, как звучат, — ответила Рут. — Они просто выворачивают перед человеком то, на что ему стоит обратить внимание. — Потом она постучала ногтем по колоде. — А теперь вытяни ещё одну. Она даст тебе совет.

— Совет от куска старого картона?

— От куска старого картона, который почему-то заставил тебя замолчать, погрузиться в раздумья и задуматься о том, можешь ли ты доверять мне.

Эти слова прошибли Элин словно электрошоком. Она вытянула четвёртую карту и положила отдельно. На ней сидела женщина между двумя колоннами, в голубом, со свитком на коленях. За ней — тьма, вода, гранаты на ткани. Её лицо олицетворяло спокойствие.

— Жрица, — произнесла Рут, и голос у неё стал тише. — А вот это уже интересно.

— Что она значит?

Рут провела пальцем по краю карты и, рассмеявшись, ответила:

— Ты же не веришь в это. Какая разница, что сказал кусок старого картона?

— Мисс Рут, я не это имела в виду...

— Да брось, я пошутила. — Рут мягко похлопала Элин по плечу, привстав и слегка перегнувшись через стойку. — Карта говорит: не беги за первым шумом, не ломись туда, где всё громко и понятно. Жрица — не про силу в лоб. Она про скрытое знание, про молчание, про правду, которая живёт под поверхностью. Про то, что самое важное человек часто узнаёт не из прямого слова, а из намёка. Не от тех, кто говорит много, а от тех, кто видит глубже и держит рот закрытым, пока не придёт время.

Элин молчала. Она не поняла ровным счётом ничего.

— Да уж, ну и совет. Ничего не понять. Спасибо, старый кусок картона! — Она улыбнулась ещё шире и, сделав последние глотки, допила чай.

Рут подняла на неё свои светлые, слишком внимательные глаза.

— На твоём месте, — сказала она, — я бы сейчас очень внимательно смотрела на женщин рядом с собой. На тех, кто говорит тихо. На тех, кто кажется странным, неудобным или слишком молчаливым. Иногда путь открывают не те, кто умеет бороться громче всех, а те, кто давно научился знать больше, чем говорить вслух.

Рут встала, убирая карты на место, и добавила:

— Пойду отнесу их наверх, им тут не место. Подожди минутку.

По спине у Элин пробежали мурашки. Она поймала себя на ощущении, будто кто-то следит за ней прямо сейчас. Невольно обернувшись на дверь, она убедилась, что за стеклянным расписным витражом никого нет. Поёжившись, Элин решила отвлечься и осмотреть прилавок.

Через пару минут мисс Рут вернулась. Она заметила, как Элин держит в руках подвеску с прилавка. Маленький аккумуляторный дельфин будто выныривал из воды.

— Как кстати вы нашли друг друга. Возьми его в подарок. — Подойдя, Рут уложила подвеску в ладонь Элин и бережно накрыла её своей.

— Что вы, я не могу взять его бесплатно, мисс Рут.

— Глупости, милочка. Он сам тебя выбрал. Забирай. По старым поверьям он считается оберегом. В нужный час он спасёт тебя, верь в это.

Изи медленно раскрыла ладони и, подняв цепочку в воздух, попросила Элин повернуться к ней спиной. Аккуратно сдвинув волосы, Рут застёгнула её на тонкой шее.

— Если бы я всегда говорила прямо, меня бы давно перестали называть городской сумасшедшей. А мне, знаешь ли, это очень идёт, — хихикнула она, разворачивая Элин обратно. — Запомни одно, — добавила уже твёрже, — то, что кажется концом, иногда оказывается просто местом, где старый мир отваливается кусками, а новый ещё не видно, потому что ты стоишь прямо посередине треска.

— Вы говорите так, будто всё знаете.

— О нет, — сказала Рут. — Если бы я всё знала... Что ж, тебе уже пора. Тебя наверняка ждут к ужину. Сейчас я заверну тебе свежего хлебушка домой. Передавай привет Алисии.

Элин хотела что-то возразить, но вдруг вспомнила о важности завтрашнего дня и заметила, что за окном начало смеркаться. Пора было возвращаться домой. На линк уже поступило несколько сообщений от Алисии с вопросами. Рут быстро вынесла из соседней комнаты хлеб, потрепала Элин за щёку, наказала беречь подвеску и прошла к двери, приглашая покинуть магазин.

Элин уже почти вышла, но на самом пороге вдруг остановилась и спросила:

— Мисс Рут... Вы думаете, карты говорили правду?

— Какие карты? — удивлённо вскинула брови хозяйка, собиравшаяся уже закрыть дверь. — Ох, милая, ты, наверное, сильно утомилась за сегодня. Иди скорее домой ужинать и отсыпаться, завтра важный день.

На этих словах она захлопнула дверь перед носом Элин, провожая её широкой улыбкой.

«Как всегда», — подумала Элин и постаралась выбросить увиденное из головы.

Дом встретил её обычным светом, голосом Томаса из гостиной и Лирой, которая тут же закрутилась у ног. За ужином отец рассказывал что-то про работу — о споре в Управлении, о каком-то перераспределении нагрузки, о брате Адаме, который снова ругался с коллегами насчёт дисциплины в образовательных модулях. Алисия говорила о пометках в архивной партии и о том, что, видимо, придётся всё-таки лезть глубже, чем разрешает протокол. Элин слушала краем уха, прокручивая в голове слова Рут и думая о завтрашнем собрании.

— Что у тебя на шее? — спросила Алисия, когда Элин в очередной раз коснулась цепочки.

— Рут подарила, — сказала она. — Сказала, что это оберег.

Томас тихо хмыкнул.

— От чего? От здравого смысла?

Алисия посмотрела на него с осуждением.

— Он очень красивый, милая. Тебе идёт.

Ужин прошёл спокойно. После него Элин поднялась к себе в комнату и принялась тискать Лиру на кровати. Через полчаса ласк и игр она чмокнула её в нос, переделась в пижаму и отправилась в душ, а потом — готовиться ко сну.

Когда девушка вернулась из ванной, руки сами потянулись отодвинуть шторы и глянуть наружу. В доме семьи Рид горел свет, а значит, они уже вернулись со дня рождения. Элин прошла к столу, сделала пару заметок в блокноте касательно партии, с которой сейчас работала, и записала, что важно не забыть.

Через несколько минут в окне Кайла мелькнуло движение. Элин сразу заметила это краем глаза. Он вошёл, на ходу стягивая куртку, — наверное, вернулся позже родителей. Элин тут же обуял интерес: где он был после дня рождения? Сейчас сама мысль о чужом празднике казалась почти нелепой. Как будто где-то всё ещё есть мир, в котором люди едят торт, смеются, обнимают родственников и не ждут завтрашнего полудня, как удара.

Элин усмехнулась себе под нос, продолжая наблюдать за перемещениями Кайла по комнате. Он поднял голову и устремил взгляд ей навстречу. Всего на несколько секунд. Элин увидела, как он замер, а потом почти сразу, будто вспомнив о запрете, шагнул назад и задвинул шторы.

Она тоже сразу отошла от окна и села на кровать, начав нервно гладить Лиру. Её мучило болезненное знание о том,

что Кайл там, в нескольких десятках метров, по ту сторону двора, но теперь такой недостижимый — ещё больше, чем раньше.

Элин ощущала себя так, будто находится в необъятной пустоте, сулящей только одиночество, а потому решила сразу лечь спать. Лира устроилась в ногах и совсем скоро засопела. Впервые за весь день Элин подумала, вспомнив слова мисс Рут, что, возможно, именно эта пустота и была последней перед переменами.

Глава 4.

Элин проснулась резко, почти подскочив на месте. Сердце билось быстро и тяжело. Зажмурившись, она попыталась отдышаться, унять тревогу, которая выдернула её из сна.

Лира, среагировав на беспокойное пробуждение хозяйки, приоткрыла глаза и лениво потянулась лапами, лёжа на ковре. Потом, переваливаясь с лапы на лапу, села, прижалась боком к деревянному основанию кровати, медленно зевнула и, виляя хвостом, запрыгнула к Элин ласкаться.

В комнате стояла предрассветная дымка, и, судя по температуре, терморегулятор всё-таки удалось починить. Всё вокруг было привычным, не меняющим своего места, но именно от этой привычности становилось тяжело. Мир вокруг не дрогнул — и в этом-то и была проблема. Жизнь Элин за последние несколько дней перевернулась с ног на голову, а миру хоть бы что. Родители вели себя так, будто сегодня не должно было случиться ничего особенного, и все вокруг словно ждали от неё одного: что она возьмёт себя в руки.

Опустив ладонь, Элин несколько секунд молча гладила собачьи уши, сосредоточившись на том, как спокойно поднимается грудная клетка Лире. Под тонкой тканью ночной рубашки прохладной каплей лежал на коже маленький дельфин.

Она медленно опустилась на лопатки, перетаскивая Лиру

поближе в объятия, усталилась в потолок и лежала так, не моргая. Её посетило чувство, которого не было уже очень много лет.

В детстве, когда Алисия пару месяцев находилась дома по состоянию здоровья, маленькая Элин ужасно не хотела уходить на занятия. По утрам она пряталась с головой под одеяло и представляла, что оно, как защитный купол, сбережёт её от этой участи. Заботливая мама частенько сжаливалась над дочерью и разрешала остаться дома. Ей нравилось проводить время с Элин, пока Томас был на работе.

Вот и сейчас Элин хотелось залезть с головой под одеяло, не идти на собрание, а вместо этого сидеть с мамой на кухне, пить чай, смеяться и играть с Лирой.

Шторы на окне, как всегда, были сомкнуты не до конца. Через щель виднелся кусок чистого неба — такого голубого, без единого облака, словно всё благоволило сегодняшним событиям.

Поднявшись с постели, Элин отодвинула штору и задержала взгляд на окне Кайла. Она понимала, что ему сейчас тоже нелегко, и переживала: вдруг Льюис устроил ему разнос после разговора с Эммой? А может, Мариша вообще обо всём узнала, и скандал был неминуем? Собрав губы в тонкую линию и потерев уставший лоб, сонная Элин направилась готовиться к собранию.

Алисия всегда была внимательной. Она знала: большинство мамочек сегодня нарядят своих детей по полной про-

грамме, но Элин, которой предстояло пережить одно из самых страшных событий в её жизни, было не до нарядов. Алисия подготовила для дочери выглаженную белую водолазку и коричневый сарафан на ремнях. Сегодня погода обещала быть переменчивой и непредсказуемой, с самого утра дул прохладный ветер, поэтому рядом с комплектом лежали бежевая кружевная шаль и тёплые гольфы в тон.

Элин быстро умылась, оделась и попыталась уложить волосы. С той небольшой длиной, что у неё была, сложно было придумать что-то особенное. Перебрав несколько вариантов причёски, она остановилась на любимом — заколола волосы заколкой, которую ей подарил Кайл. Всем она, конечно, говорила, что купила её у мисс Рут. Заколка была крупная, скорее даже краб для волос: старинная, местами потёртая, украшенная мелкими зелёными камнями. Камни очень шли к её глазам, подчёркивали их необычный оттенок.

Элин попыталась улыбнуться себе в зеркало. Сегодня нужно было просто прожить несколько часов, пережить всё, что уготовил день, и не выдать себя. Выдавив что-то похожее на одобрительную улыбку, она повернулась к двери. Снизу донёлся приглушённый шум воды — дом проснулся.

Собрав в небольшую сумку нужные вещи, Элин проверила сообщения на линке и, прихватив блокнот, о котором вспомнила в последний момент, направилась вниз.

На кухне пахло поджаренным хлебом, тёплым молоком и чем-то фруктовым — Алисия, наверное, снова готовила

кашу с персиками. Томас уже сидел за столом, будто этот день ничем не отличался от любого другого. Только рабочая панель у него была открыта не на расчётах и сводках, а на сегодняшнем маршруте и уведомлениях по собранию.

Он был одет чуть аккуратнее обычного: та же рубашка, тот же сдержанный кремовый цвет, но всё сидело особенно ровно, а образ дополняла строгая жилетка в клетку тёмно-зелёного оттенка. У Томаса вообще было удивительное умение выглядеть так, будто его ничто не может выбить из колеи, исказить его правильную форму. Он словно перманентно был невозмутим.

Алисия, наоборот, выдавала волнение мелочами: чуть чаще поправляла чашки, лишний раз открывала шкаф, хотя всё нужное уже лежало на столе, и постоянно оглядывалась, словно ожидала кого-то.

— Лучше выйти пораньше, — сказал Томас вместо приветствия. — Сегодня поток будет плотный. Не хочется торчать у входа дольше положенного.

Элин кивнула, села за стол, но не потянулась ни к еде, ни к чаю.

— Попробуй хотя бы немного, — мягко сказала Алисия, придвигая к ней тарелку с кашей. — Иначе тебе станет плохо на пустой желудок.

— Не станет.

— Милая, съешь хотя бы хлеб с джемом.

Элин покачала головой.

— Я не хочу.

Томас поднял глаза от панели, изучающе осмотрел дочь и недовольно хмыкнул.

— Делай, что говорит мама. Не хватало ещё откачивать тебя от обморока на собрании.

— А для тебя только и важно, чтобы я не доставила проблем и вела себя так, как хочешь ты!

Элин сама не ожидала, что сорвётся. Она толкнула тарелку с кашей, и та, огибая стакан чая, рухнула на пол.

На секунду на кухне повисло тяжёлое молчание. Томас посмотрел на разбитую посуду и, тяжело вздохнув, встал. Элин приготовилась к тому, что сейчас он схватит её за шкуру, толкнёт к тарелке, заставит убирать и вдогонку накричит гадостей. Но Томас поступил иначе. Он присел и сам начал собирать осколки и разлетевшуюся кашу.

— Я понимаю, ты волнуешься. Мама очень старалась, когда готовила эту кашу для тебя. Прояви уважение и извинись перед ней, — глухо и сердито сказал Томас, не отрывая глаз от пола.

Элин сидела в ступоре и не понимала происходящего. Ей казалось, он должен был разгневаться, хлопнуть кулаком по столу, в конце концов. День уже начался странно, а значит, дальше будет только хуже. Попросив прощения у Алисии, она молча взяла тряпку и, коснувшись плеча отца, показала, что хочет убрать всё сама.

— Я говорю, что нужно было лучше заниматься её вос-

питанием, а ты хотела подарить ей детство, чтобы оно длилось подольше. И к чему мы сейчас пришли? Твоя дочь — хамка, Алисия, — поднимаясь с пола, сквозь зубы процедил Томас.

Алисия несколько раз моргнула, пытаясь переварить сказанное и понять, верно ли расслышала мужа.

— А знаешь что? Надоело! Это и твоя дочь тоже, но ты никогда не проявлял особого участия в её жизни. Только постоянно поучал и был недоволен. Тебе всегда казалось, что она недостаточна. Тебе всегда хотелось сделать её лучше — по твоим меркам и меркам твоего брата. Что странного в том, что она напугана? Это нормально: за неё собираются сделать один из самых важных жизненных выборов! А ты вместо того, чтобы дать дочери почувствовать поддержку, опять недоволен ею!

Выпалив всё это на эмоциях, Алисия скинула на пол и свою тарелку, а потом быстро зашагала в ванную, вытирая на ходу слёзы. Элин, убирая последние остатки каши, в полном недоумении смотрела на происходящее. Она ещё ни разу не видела, как родители ругаются.

— Я уберу вторую тарелку. Иди, — почти шёпотом сказала она.

Томас нахмурился, продолжая смотреть вслед Алисии, а потом подошёл к дочери и сказал:

— Это из-за тебя и твоего нелепого поведения. Возьми себя в руки и не доводи мать.

Кто бы мог подумать. Даже в ситуации, где ему прямым текстом указали на его ошибки, он всё равно обвинял дочь. Элин молча проглотила обиду и начала убирать вторую тарелку.

Завтрак прошёл отменно.

Из дома они вышли раньше, как и планировали. Алисия держалась чуть поодаль от Томаса, ближе к дочери. Вид у неё был уставший, следы недавних слёз ещё проглядывали. Воздух был прохладный, свежий, ещё не согретый солнцем. На живых фасадах дрожали капли — видимо, машины, отвечающие за полив, были здесь совсем недавно. Конкордия в утренние часы казалась особенно безмятежной: аккуратной, чистой, словно натёртой до блеска изнутри и снаружи.

Элин и её родители успели пройти всего несколько шагов, когда открылась дверь дома напротив. Льюис вышел первым, за ним появилась Мариша — в спокойной светлой одежде, собранная, как всегда, и с тем выражением лица, по которому трудно было понять, думает ли она вообще о чём-то. Она работала в Прибрежном Экологическом Секторе. Элин никогда не общалась с Маришей лично, знала её только по рассказам Кайла. Та производила впечатление женщины, скупой на эмоции и безразличной к жизни сына, в отличие от его отца.

Кайл вышел последним, закрывая за собой дверь. Их с Элин взгляды пересеклись сразу. Льюис это заметил и, конечно, меньше всего хотел встретить семью Крейн этим

утром. Он глянул на Элин с прищуром, но быстро отвёл взгляд. Маленький дельфин, подаренный Рут, сразу оказался в её пальцах. Алисия заметила этот жест и волнение дочери, поэтому решила не затягивать неловкий момент и поздоровалась с приближающимися соседями.

— Доброе утро, — обратилась она к Марише.

— Доброе, — ответила та. — Сегодня, похоже, весь Вереск решил выбраться из домов одновременно.

— Не только Вереск, — сухо заметил Томас, глянув в сторону линии. — Половина города будет там.

Льюис коротко кивнул ему в качестве приветствия. Сложилось ощущение, что и у них утро сегодня не задалось.

Обе семьи двинулись в одном направлении. Развозка прибыла через несколько минут. Внутри уже сидели люди: семьи из соседних жилых зон, кто-то в новой одежде и с шикарными причёсками, кто-то — в обычной одежде и с безразличными лицами.

Развозка представляла собой три парящих над землёй вагона, похожих на синхролайнеры. Двигаясь на высоте десяти-пятнадцати сантиметров от линии, она создавала впечатление, будто вагоны не едут, а скользят по воздуху.

Через десять минут они были уже в Секторе управления.

Сектор управления был, пожалуй, самым большим из всех. В нём находились главные органы системы. Управление Сопряжения и Совместимости, один из важнейших органов, отвечало за сбор личных профилей, биометрический

и эмоциональный анализ, расчёт совместимости, назначение пар, подготовку Церемонии Сопряжения, сопровождение назначенных союзов, а также фиксацию отказов и отклонений. Оно подразделялось на секторы, а внешне было похоже на неправильное белое яйцо со свисающими с крыши лианами.

Рядом располагалось здание Сопряжения, в котором и проходили Церемонии. Оно напоминало Элин большой футбольный стадион — она читала о таких в Архиве. У него тоже отсутствовала крыша, но никакие погодные условия не мешали происходящему внутри благодаря климатическому барьеру открытого типа, изобретённому EVA-9. Барьер поддерживался за счёт нескольких систем сразу: аэродинамического кольца давления по верхнему периметру арены, сетей ионизированного воздуха, тонкой тепловой завесы, микродисперсного влаgekонтроля и погодной коррекции в реальном времени, которую рассчитывала EVA-9.

То есть этот барьер был не «стеклом над стадионом», а управляемой прозрачной средой, которая отталкивала дождь, гасила сильный ветер, не давала пыли и соляному туману с побережья попадать внутрь, выравнивала температуру в пределах чаши и при этом оставляла ощущение открытого пространства. Снаружи дождь мог идти стеной, а внутри были только свет и сухой воздух.

В том же Секторе управления находилось здание Управления Гражданской Идентификации, отвечавшего за личные

профили с маршрутными допусками, биометрию и уровни гражданской устойчивости. Если человек пропадал, сначала он пропадал именно здесь.

До здания Сопряжения они добрались быстро. По аллеям сквера, прилегающего к зданию, неспешно тянулись колонны людей. Снаружи оно пугало своим величием — огромное, светлое, плавно выгнутое, до тошноты правильное. Но сегодня всех вели не туда, не в сам церемониальный зал, а в один из подготовительных блоков, соединённых с основным зданием стеклянными переходами и внутренними галереями.

Люди поднимались по широким ступеням, двигались через светлый вестибюль, собирались в полукруглых холлах и длинных коридорах. У кого-то дрожали руки, кто-то держался с нарочитой бодростью, кто-то говорил слишком много, чтобы заглушить собственные мысли.

Внутри было бело, прохладно и почти торжественно. Всё здесь будто старалось сказать человеку: не бойся, всё под контролем. Высокие потолки, мягкий свет без теней, вода за стеклянной стеной, стекающая тонкой ровной плёнкой. Зелень в глубоких нишах, где листья казались слишком спокойными, слишком правильными и слишком зелёными. Пол — светлый, матовый, без единой случайной царапины; воздух — с лёгким запахом воды и чего-то стерильного.

Сегодня это место вызывало у Элин отвращение.

Собиравшихся людей направляли в зал для собраний. Из общего холла туда можно было попасть через громоздкую

арку, украшенную цветами. Зал был полукруглым, широким, с рядами светлых сидений, уходящими вверх плавным подъёмом. Сбоку — длинная стеклянная стена, за которой виднелись вода внутреннего сада и белые камни, лежащие строго по линиям.

Всё это было выстроено ради одного: чтобы человек внутри этого пространства чувствовал себя частью большого, разумного, спокойного процесса. Но у Элин буквально спирали дыхание от увиденного. Ей хотелось выбежать, зарыться с головой под одеяло, а потом услышать, что это был всего лишь плохой сон.

Она сильнее сжала зубы и вошла в зал.

Когда семьи начали рассаживать, оказалось, что её семью и семью Рид посадили рядом. Томас сел с краю, рядом — Алисия, затем Элин. Недолго колеблясь, Кайл занял следующее место, после него расположились Мариша и Льюис. Элин сразу почувствовала правой стороной лица неодобрительный взгляд Льюиса. Жар мгновенно разлился по телу, стало тяжело дышать.

Тихий шорох ткани, когда Кайл чуть поправил рукав и расположил руку на подлокотнике ближе к ней, вернул Элин в реальность. Его рука казалась ненатурально неподвижной, и в этой неподвижности считывалось напряжение. Родители при этом вели себя так вежливо, так нормально, что от этого становилось ещё хуже. Томас что-то коротко сказал Льюису о рабочих сверках, Мариша обменялась с Алисией ней-

тральной репликой про организацию.

Пока Элин слушала краем уха мамину болтовню, жар понемногу начал спадать, краснота ушла с щёк. Льюис продолжал время от времени поглядывать на неё, обмениваясь очередными пустыми репликами с Томасом. Зал наполнялся людьми, все находились в ожидании.

Заметив, что дочь снова хватается за подвеску, Алисия вдруг неожиданно для всех повернулась к детям и сказала:

— А вы чего сидите как чужие? Всё-таки соседи, ровесники, да ещё и у обоих впереди Церемония. Вам, наверное, есть что обсудить.

У Элин на секунду перехватило дыхание. Льюис медленно повернул голову, и его недовольный взгляд снова обжёг лицо Элин. Алисия сказала это так беззаботно и легко, что ввела всех в ступор. Всех, кроме Мариши. Она, ничего не подозревая, поддержала соседку:

— И правда. Сидите оба, как на сложном экзамене. Вам стоит расслабиться, дорогие. Скоро самый захватывающий этап в вашей жизни.

Странное неловкое молчание повисло в воздухе. Началась игра в переглядки. Первым прервать её решился Кайл.

— Да мы... просто, наверное, не очень разговорчивые сегодня. Волнение и всё такое.

— Это заметно, — мягко сказала Алисия. — Но молчание обычно делает только хуже. Из-за него вы ещё глубже погружаетесь во внутренние переживания.

Элин повернула к Кайлу голову — ровно настолько, чтобы это не выглядело чем-то большим, чем вежливый ответ на разговор.

— Ты как? — спросила она, и ей самой этот вопрос показался жалким.

Кайл чуть повёл плечом.

— Как будто иду не на собрание, а на витрину выставляться.

— Это ещё ничего, — тихо сказала она. — Мне кажется, меня сейчас разберут на части и аккуратно разложат по коробкам.

— Главное, чтобы подписали их.

Мариша усмехнулась. Томас чуть расслабился, словно это была самая обыкновенная маленькая шутка. И только Льюис остался неподвижным, прикованным взглядом к сыну и его подруге.

Короткая неловкая беседа всё же продолжилась и отчасти спасла обоих. Элин почувствовала это сразу. Сидеть рядом было всё ещё трудно, но теперь дело было только в Льюисе и его гипнотизировании. В остальном напряжение неспешно уходило.

Когда зал окончательно заполнился, свет чуть изменился, а разговоры стихли. На платформу, расположенную посередине зала и слегка возвышавшуюся над полом, вышел мужчина из Управления Сопряжения и Совместимости — молодой, сухой, с безупречно спокойным лицом. Вслед за ним

появилась женщина из Управления Социальной Адаптации — мягкая, с тем лицом, которое обычно должно было означать бережную родительскую заботу.

Они говорили ровно и красиво. О зрелости, о переходе в новый жизненный этап, о важности устойчивых союзов, о поддержке семей. О том, что тревога перед Церемонией естественна и уже учтена системой. О медицинской и бытовой подготовке, о маршрутах, о мягкой адаптации к сопряжённой жизни.

Это была именно та речь, от которой всегда становилось скучно. В ней не было ничего живого — скорее чёткие инструкции и не менее чёткие рекомендации.

Реакции в зале были разными. Кто-то слушал внимательно, с почти благодарным выражением лица. Кто-то сидел, направив взгляд в линк, и выслушивал претензии от родителей по поводу своего поведения. Девушка через ряд впереди тербила рукав, пока мать не положила ладонь ей на локоть. Один парень справа, слегка позади, всё время дёргал ногой. Кто-то украдкой смотрел в сторону выхода, кто-то упрямо и с вызовом держал голову прямо, а кто-то и вовсе зевал.

Элин слушала вполуха — до того момента, пока за спиной говорящего мягко не засветился экран. На белом фоне появилась надпись:

«Стабилизирующие формулы восприятия».

Ничего особенного. Красноречивые презентации часто сопровождали такие события. Важно было визуально закреп-

пить то, что пытались донести.

Первая строка сменила заголовок.

«Общий двор — ещё не общая судьба».

Рука Кайла мгновенно сжала подлокотник.

Строки сменяли одна другую, таща за собой различные картинки и памятки для родителей.

«Окна могут смотреть друг на друга годами и всё же вести в разные жизни».

У Элин внутри всё похолодело так резко, будто на неё плеснули ледяной водой. Для всех остальных это были просто правильные, гладкие фразы. Отработанные и подготовленные материалы к собранию — формальность, и только. Так делали каждый год, на каждом собрании. Но для неё и Кайла сейчас это выглядело иначе.

Следующая строка появилась почти сразу.

«То, что долго было рядом, не обязательно принадлежит вам».

На этот раз Элин всё-таки чуть повернула голову, чтобы посмотреть на реакцию Кайла. Она заметила, как на его челюсти заиграли желваки. Кайл начал поворачиваться к ней в ответ, и в ту же секунду Элин столкнулась взглядом с Льюисом. Тяжёлый и внимательный, он оценил обстановку и устремился к экрану, показывая, куда стоит переключить внимание.

Элин тут же поняла: Льюис говорил совершенно правдиво в тот день у Эммы. Он был настроен настолько серьёзно,

что старался держать в поле зрения каждое действие Элин и Кайла — и уловил тот мгновенный ток, который только что прошёл между ними.

Мужчина на сцене продолжал всё тем же ровным голосом: — В переходный период особенно важно не придавать чрезмерной значимости локальным привязкам, возникающим внутри повторяющейся среды. Близость не всегда означает совместимость. Узнаваемость не всегда означает предназначение.

Экран снова сменился.

«Соседство рождает привычку быстрее, чем истину».

Слишком много совпадений для обычной лекции. В этот момент Элин стало по-настоящему страшно — не от самой Церемонии, не от будущих маршрутов и чужих имён, а от мысли, что система, возможно, знает о них с Кайлом. Но почему тогда словно потешается? Почему не пресекает всё сразу?

Кайл начал ёрзать на месте, и по этому движению стало понятно: он задумался о том же.

Собрание тянулось ещё какое-то время. Под конец объявили, что родители остаются для уточнения деталей ещё на час-полтора, а участники цикла свободны. По залу прошло заметное облегчение. Почти никому спокойно не давалась мысль о предстоящем.

Алисия поднялась первой и, будто продолжая тот же лёгкий тон, сказала:

— Кайл, проводишь Элин? Вам всё равно в одну сторону. Льюис тут же повернул голову.

— В этом нет необходимости.

Но Мариша, ничего не понимая или не желая понимать, ответила раньше, чем напряжение успело стать заметным для остальных:

— Льюис, ну что ты. Что такого в том, что он проводит соседку?

— Без глупостей. — Льюис кинул очередной тяжёлый взгляд на Элин.

— Ну ты забавный, конечно. Что они, по-твоему, сделают? Сбегут из города из нежелания пойти навстречу своей судьбе? — Мариша искренне рассмеялась.

Элин наблюдала лёгкость, заключённую в этой неосведомлённости. Порой незнание и правда становилось спасением.

Кайл кивнул и прошёл к выходу. Алисия обняла дочь, шепнула ей на ухо, что любит её, и повернулась к Марише, начиная новую беседу. Элин молча последовала за Кайлом.

Они вышли из зала, спустились по лестнице, прошли по широкой галерее, потом по светлому коридору. Пока вокруг были люди, они держались на достаточном расстоянии и молчали. Но стоило выйти из здания и ступить на аллею, как Кайл нервно и тихо сказал:

— Ты тоже заметила?

— Ты про презентацию? Боги, это так странно. Я очень

напугана, Кайл.

— Всё будет в порядке. Пойдём в наше место, поговорим там без лишних глаз и ушей.

Они ускорили шаг и, стараясь не привлекать внимания, запрыгнули в первую же прибывшую развозку.

Их место находилось прямо за Вереском, там, где тянулись линии переброски, уходящие вглубь Южного Альянса, к другим городам. В стороне от главных маршрутов стоял старый павильон климатической калибровки, давно выведенный из эксплуатации. Лет двадцать назад систему перенесли, камеры сняли, а сам павильон оставили — ненужный, пустой, за сервисной стеной, укутанной густой зеленью.

Кайл нашёл его по старым схемам, когда ещё только учился читать городские планы на стажировке. Раньше внутри пахло сухой пылью и пластиком, мутные панели еле пропускали размытый свет. Песок и сухая листва устилала пол, было зябко и неуютно. Сразу после обнаружения этого места, Кайл постепенно прибрался там, притащил лампы, купленные у мисс Рут; у неё же нашёл старый генератор, получавший энергию от солнечной панели, закреплённой на крыше павильона. Небольшой электрический обогреватель у Изи тоже нашёлся очень кстати, так что помещение получилось обеспечить теплом на случай холодов.

Со временем ребята натащили туда пару кресел, стулья и разные вещи для удобства — пледы, подушки, немного декора. А недавно там появился ещё и диван, который по ве-

ликой случайности мисс Рут не знала куда деть. С ним место заиграло совсем новыми красками.

Всю дорогу Элин и Кайл разговаривали об обыденном. Она спрашивала, как прошёл день рождения тётки, а Кайл интересовался обстановкой дома и самочувствием Лиры. Наконец, добравшись до цели, они выдохнули.

Зайдя внутрь, Кайл первым делом включил свет и обогреватель, а потом сразу сгрёб Элин в объятия. Некоторое время они просто молчали. Кайл нежно гладил её по затылку, прижимая к себе. Тепло постепенно скапливалось внутри павильона, дрожь из тела напуганной девушки начинала уходить.

— Отец так и не сказал мне, о чём говорил с Эммой, — тихо сказал Кайл, продолжая нежно гладить её. — И со мной потом вообще не разговаривал. Просто делает вид, что ничего не произошло.

— Но на меня он смотрит страшным взглядом. Мне вообще не по себе было сегодня на собрании.

— Я знаю, ягодка. Тяжело наблюдать подобное, не имея возможности вмешаться. Твоя мама что-то знает? Мне показалось, она нас поддержала.

Он сел на край дивана, потянув Элин за собой. Она устроилась рядом, подложила ноги под себя и, прильнув к плечу Кайла, заговорила почти шёпотом, словно от усталости:

— Да, она говорила со мной об этом. Так странно было слышать то, что она сказала. Выглядело так, будто мама состоит в Сопротивлении. Если я правильно поняла, она пыта-

лась убедить меня не отказываться от нашей любви и стремиться к тому, что сделает нас счастливыми.

Кайл даже рассмеялся.

Про Сопротивление знали все. Точнее, слышали, что про него поговаривают, но делали вид, будто это обычные сплетни, которые люди распускают от скуки. Оно якобы зародилось сразу, как появился Альянс, но где располагалось — никто не знал. Явных признаков существования Сопротивления никто не видел, но некоторые почему-то были абсолютно уверены: оно есть и рано или поздно даст о себе знать.

— Знаешь, ягодка, вы с мамой всегда были похожи. Возможно, этот бунтарский дух в тебе — от неё. То, что она сказала тебе, правильно. Нельзя просто бросать то, что тебе действительно дорого, особенно если знаешь: это правильный путь, не ложный. Моя мать порой кажется такой глупой. Верит во благо системы, хотя активно ни в чём не участвует. Ей будто безразлично всё. Безразличны я и отец. А отец... Он просто боится потерять меня. Ведь с женой у него счастья нет, и получается, что единственное счастье заключено в сыне. Его можно понять, конечно.

— погоди, то есть ты хочешь сказать, что он прав? — Элин сразу отпрянула и уставилась на Кайла с удивлением.

— Нет, ягодка. Я хочу сказать, что понимаю его. Поэтому хотел бы, чтобы и он понял меня. У меня тоже есть то единственное счастье, которое я не хочу терять.

Кайл потянулся к губам Элин. Оставив нежный поцелуй,

он убрал выбившуюся прядь ей за ухо и начал покрывать поцелуями шею. Элин, прикрыв глаза, выдохнула от наслаждения. В моменты, когда Кайл касался её, казалось, что время замирает и всё вокруг перестаёт иметь значение. Все проблемы, которые были ещё с утра, будто растворялись в воздухе с каждым новым поцелуем, оставленным на теле.

Элин аккуратно приподняла лицо Кайла за подбородок и поцеловала его в ответ. С каждой секундой их поцелуи становились всё более жадными, а руки Кайла уже скользили под её сарафаном. Внезапный порыв ветра слегка качнул старую дверь, и неожиданный хлопок выдернул их из этого блаженства.

— Так надоело, что нельзя полноценно насладиться тобой, побыть вместе, не оглядываясь и не опасаясь, — сказала Элин, глядя на дверь.

Кайл мягко кивнул, поправил ворот рубашки и снова сел. Его распирало от желания, от красоты Элин, от любви к ней. Он не представлял жизни без её улыбки, жаждал быть с ней всю жизнь, обручиться и принадлежать ей так же полно, как хотел, чтобы она принадлежала ему. Сейчас он смотрел на неё и понимал: времени не осталось. Нужно срочно что-то предпринять, иначе он потеряет её навсегда.

Элин заметила, что он провалился в свои мысли, и нежно коснулась его плеча.

— Помнишь, ты хотел рассказать мне что-то о человеке из твоего модуля? О какой-то вашей внезапной встрече и су-

масшествию, которое он тебе поведал.

— Ах да, Генри. — Кайл развернулся к ней всем корпусом и взял её за руки. — Я тогда шёл на обед. Задержался, поэтому шёл один, Эндрю уже ушёл. В главном коридоре почему-то заклинило пропускную арку, и я решил пойти в обход — коридором, которым почти никто не пользуется, потому что так дольше. Там-то я и столкнулся с ним.

— Он работает там? Ну, в смысле, почему он вообще там был?

— Он сказал, что когда-то работал в Службе транспортной диагностики, ещё до последних больших перестроек линий. Ему около шестидесяти пяти. Сказал, что сейчас он в резерве, так что уже нет, не работает.

«Резервом» в Южном Альянсе называли вывод человека из обязательного трудового контура. Он мог работать по желанию; жильё, медицина и снабжение были обеспечены, а в рабочий модуль его изредка могли вызвать, если требовалась помощь. Людей, перешедших в резерв, часто распределяли по всему Южному Альянсу к агрономической деятельности. Мало кому хотелось просто сидеть дома и ничем не заниматься, поэтому они охотно соглашались. К тому же, финансовая система от части сохранилась, и на определённые вещи нужны были «Арды» — цифровая валюта Альянса.

— Он пришёл в модуль якобы за вещами, — продолжил Кайл. — Или сделал вид, что за вещами. Сам заговорил со мной. Сначала про линии, про старые сервисные шахты, про

какую-то ерунду. А потом вдруг сказал, что из Конкордии можно уйти незаметно.

Элин расширила глаза.

— Просто так сказал об этом?

— Просто так. Как будто говорил о погоде или о том, что ел на завтрак.

Он усмехнулся без веселья.

— Я подумал, что он или сошёл с ума, или проверяет меня. Спросил у него — больше в шутку, конечно, — куда именно можно уйти, если не секрет. А он совершенно серьёзно ответил: «На север. Куда же ещё. Не всем нравится жить в клетке».

— Погоди, он имел в виду Северный остров? — Элин почувствовала, как по коже прошёл холод. — Он же непригоден для жизни. Туда ездят машины для исследований и попыток дальнейшего облагораживания, но пока безуспешно.

— Да, я это тоже знаю. Но именно после слов Генри задумался: почему никто ни разу не видел возвращения этих машин? Генри сказал, что Северный остров не пуст. Что там живут люди. Свободный народ или как-то так. И что в Конкордии у него есть хорошая знакомая, через которую можно выйти из города так, чтобы тебя не заметили раньше времени. — Кайл пожал плечами и встал с дивана, чтобы достать из рюкзака сок. — Я спросил, почему он вообще говорит это мне, — продолжил он, протягивая бутылку Элин, — и почему решил, что я его не выдам.

— И? — Элин сделала медленный глоток.

— Сначала сказал: «По глазам понял». А потом — что Соппротивление не дремлет и всегда найдёт своих. Даже если сами «свои» пока не поняли, что принадлежат к ним.

Элин опустила взгляд. Через горлышко бутылки было видно, как мякоть апельсина всплыла наверх из-за тряски.

— Это звучит как бред. Или ловушка. Северные земли закрыты. Как туда вообще кто-то может попасть? — Она отдала бутылку обратно и встала, скрестив руки на груди. — Он ещё что-то сказал?

— Да нет, дальше какая-то чушь была. Он спросил, люблю ли я маковые булочки, а потом, уже уходя, бросил: «Хорошо, что у Рут всё ещё открыто».

Элин резко подняла голову.

— У Рут?

— Ну да, у городской сумасшедшей, видимо. К ней же многие ходят за выпечкой. Ты вроде любишь её магазинчик?

Она вытащила из-под воротника дельфина и протянула Кайлу.

— Вчера я была у неё. Она вела себя так странно. Гадала мне на Таро, подарила эту подвеску.

Кайл моргнул.

— Что она делала?

— Гадала на Таро. Это такие старые картонные штуки, небольшие, с рисунками. Люди раньше по ним определяли будущее и просили у них совета.

Кайл мгновенно расхохотался и, придерживаясь за спинку дивана, заговорил сквозь смех:

— Куски картона предсказывают будущее? Элин, не смеши.

— Я серьёзно. Я тоже вчера ей так сказала: мол, как кусок картона может что-то предсказать. Но ты послушай, что было дальше. Там были Башня, Жрица и Мир, и Рут сказала...

Элин, активно жестикулируя, подробно рассказала про весь расклад. Рассказала о странных словах Рут, о её намёках на то, что она знает про них с Кайлом. Когда она закончила, они оба какое-то время пытались переварить информацию, а потом Элин словно прошибло озарением.

— Это она, — вскрикнула она. — Генри говорил о ней! Это Рут — та женщина в городе, которая помогает выбраться за его пределы.

Элин схватилась за волосы, и её шоку не было предела. Потом она вцепилась Кайлу в плечи и восторженно повторила:

— Это она! Поэтому она так странно себя ведёт. Возможно, карты были подтасованы. Она просто хотела намекнуть мне.

Кайл медленно кивнул.

— Допустим, это она. И что дальше? Мы заявимся к ней на порог и спросим, не желает ли она переправить нас на Северный остров, где, по слухам, нет ничего живого? Скажем, что поболтали с её таким же странным приятелем и хотим

передать систему и сбежать? Это звучит как очень стрёмный план, Эл.

— Да-да, знаю. Но нам надо пойти к ней. Наверняка она скажет, что делать. Поможет.

— Сегодня?

— Сейчас, пока ещё есть время.

Элин посмотрела на него очень серьёзно. Было страшно, и всё это походило скорее на ловушку, на злую шутку, но выбора почти не было. Либо рисковать, либо терять всё, что так дорого. Рут пока оставалась единственной зацепкой на пути к счастливому финалу.

— Я никогда не мечтала покинуть родных, свой дом и рвануть за пределы Альянса — туда, где, скорее всего, даже нет жизни. Но мы должны спросить у Рут всё, что она знает. А потом уже примем решение.

— Ты права. Просто я беспокоюсь, что не смогу защитить тебя там. Я не хочу тебя терять.

— А здесь? Здесь ты можешь меня защитить?

Эти слова будто пробили Кайлу грудную клетку насквозь. Дыхание сбилось, и он понял: другого выхода нет.

Кайл притянул девушку к себе, взял её лицо в ладони и, заглянув в глаза, шёпотом спросил:

— Ты обещаешь, что будешь осторожна и мы всегда будем рядом?

— Обещаю, Кайл. Я хочу прожить всю свою жизнь с тобой. Хочу иметь шанс на счастье, которого заслуживаю. Ко-

тогого мы заслуживаем. Мы должны попытаться.

— Тогда, если возможно, что совсем скоро мы пойдём на верную смерть, ответь мне на очень важный вопрос.

Слегка помедлив, Кайл сделал шаг назад и опустился на одно колено. Взяв Элин за руки, он поднял голову и с улыбкой, глядя ей в глаза, продолжил:

— Согласна ли ты, Элин Крейн, стать моей навеки? Я знаю, момент не самый подходящий. Я сделаю это гораздо красивее, когда у нас получится выбраться. Просто, если это последние минуты, которые я проживаю вместе с тобой, я хочу, чтобы ты была моей.

— Не если, а когда. — Элин расплылась в счастливой улыбке. — Когда мы выберемся, всё получится. Я согласна, Кайл.

С этими словами она ринулась обнимать его, сбивая с ног. Оказавшись на полу, Элин прильнула к его губам, обхватывая шею руками. Прерываясь на несколько секунд, они смеялись и тёрлись носами, а потом снова тонули в поцелуях. Когда они всё-таки встали с пола, Кайл подхватил Элин на руки и закружил, продолжая сладкий поцелуй. Остановившись, он поставил её обратно и замер, просто любуясь ею. Им обоим хотелось сохранить этот момент в памяти как можно чётче.

— У меня есть идея! — воскликнула Элин.

Она подошла к старым полкам, вытащила коробку и, смахнув с неё пыль, достала содержимое.

— Давай запечатлеем этот момент. Я знаю, мы не делали этого, чтобы не попасться, но теперь уже какая разница?

Элин покрутила в руках старый полароид. Рут, как уже было известно, обладала фантастической способностью доставать удивительные вещи. На двадцатилетие она подарила Элин полароид с фотокарточками. Элин так ни разу им и не воспользовалась.

Заняв удобное положение, возлюбленные улыбнулись в камеру.

Щелчок.

Повезло, что он ещё работал. Фотография получилась отличной. Кайл положил её в карман рубашки и, чмокнув возлюбленную, принялся убирать всё на свои места. Выключив приборы, они вышли из павильона и, сверившись со временем, отправились к мисс Рут.

Собрание уже закончилось, а это означало, что родители скоро придут домой и хватятся пропажи. В нескончаемом напряжении они добрались до сектора развития, минуя Вереск и встречу с родными. Сейчас всё вокруг казалось им враждебным, словно постоянно наблюдающим. Двигаясь по сектору развития, Элин боялась, что в любой момент из-за угла появятся люди из управления и отправят их с Кайлом в Сектор Отклонений.

Магазинчик Рут всё так же стоял на своём месте, а из открытых окон плавно вытекал знакомый пряный запах. Кайл остановился в полуметре от двери, огляделся и спросил

Элин:

— Готова?

— Давай просто сделаем это.

Элин уверенно толкнула дверь вперёд. Колокольчик звякнул тихо, будто старался их не выдать. Услышав его, Рут даже не повернулась.

— Ну вот, — продолжая раскладывать свои изделия, сказала она. — А я уж начала думать, что вы опоздаете. Минут через тридцать сюда хлынет народ за хлебом, у вас совсем немного времени, чтобы вы узнали то, что хотели.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.